

ДЖОН
ГОЛСУОРСИ

Остров фарисеев
Фриленды

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Джон Голсуорси

Остров фарисеев. Фриленды

«Издательство АСТ»

1904, 1915

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Голсуорси Д.

Остров фарисеев. Фриленды / Д. Голсуорси — «Издательство АСТ», 1904, 1915 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-159503-6

Дик Шелтон живет как все. Думает как большинство представителей английского светского общества, водит «правильные» знакомства, читает «правильные» газеты, собирается без любви жениться на «правильной» барышне, хотя в глубине души понимает, что брак его не будет счастливым. Однако случайная встреча в поезде с богемным французом Луи Ферраном меняет все. Впервые Шелтон начинает наблюдать, мыслить и анализировать самостоятельно. И с каждым днем увиденное вокруг нравится ему все меньше... Также в данный сборник вошел роман «Фриленды», повествующий о большой любви и страшном скандале, всколыхнувшем всю викторианскую Англию.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-159503-6

© Голсуорси Д., 1904, 1915
© Издательство АСТ, 1904, 1915

Содержание

Остров фарисеев	6
Часть первая. В столице	6
Глава I. Общество	6
Глава II. Антония	11
Глава III. Зверинец	14
Глава IV. В театре	18
Глава V. Примерный гражданин	23
Глава VI. Брачный контракт	26
Глава VII. В клубе	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джон Голсуорси

Остров фарисеев. Фриленды

© Перевод. Е. Голышева, наследники, 2023

© Перевод. Т. Кудрявцева, наследники, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Остров фарисеев

*Констанс Гарнетт – в благодарность за ее переводы произведений
Тургенева*

*Таков обычай в обществе высоком...
Шекспир У. Король Джон*

Часть первая. В столице

Глава I. Общество

Хорошо одетый мужчина с загорелым лицом и светлой бородкой скромно остановился у книжного киоска на Дуврском вокзале. Его звали Шелтон. Он направлялся в Лондон и занял место в углу вагона третьего класса, положив туда свой саквояж. После долгих странствий по чужим краям ему казались приятными и заунывный голос продавца, предлагавшего последнюю литературную новинку, и независимый тон бородатого кондуктора, и чинное прощание мужа с женой. Проворные носильщики, пробегавшие мимо со своими тележками, мрачное здание вокзала, добротный крепкий юмор, чувствовавшийся в людях, в звуке их голосов, в самом воздухе, – все говорило ему, что он дома. Он стоял в нерешительности у прилавка, не зная, купить ли книгу под названием «Харборо», которую он уже читал и, наверное, с удовольствием прочтет еще раз, или же «Французскую революцию» Карлейля, которую он не читал и вряд ли будет читать с удовольствием; он чувствовал, что следовало бы купить вторую книгу, но не в состоянии был отказаться от первой. Пока он мешкал, не зная, на что решиться, его купе стало наполняться народом; тогда, быстро купив обе книги, он поспешил в вагон, намереваясь отстаивать свои права на место.

«Нигде так не узнаешь людей, как в дороге», – подумал он.

Почти все места были уже заняты; он положил саквояж в багажную сетку и сел. В самую последнюю минуту в купе втиснулся еще один пассажир – молоденькая девушка с бледным лицом.

«Сглупил я, что поехал третьим классом», – подумал Шелтон, загородившись газетой и украдкой рассматривая своих соседей.

Пассажиров было семеро. В дальнем углу расположился немолодой сельский житель. Из рта его, точно ручка трости, торчала погасшая трубка, повернутая чубуком книзу, а на лице запечатлелось сознание собственного ничтожества, свойственное тем, чья жизнь проходит лишь среди повседневных житейских забот. Рядом с ним краснощекий широкоплечий человек и его сосед – седой мужчина с острым лицом хорька – беседовали о своих садах; Шелтон стал наблюдать за ними, и его поразило странное выражение их глаз: в них было настороженное дружелюбие и вместе с тем дружелюбное недоверие, а в оживленной, даже сердечной, беседе все время звучали опасливые нотки. Взгляд Шелтона скользнул дальше и тут же отпрянул от надутого и на редкость самодовольного лица полной дамы с римским профилем, одетой в черный с белым костюм; она читала «Стрэнд мэгэзин», придерживая его одной рукой, а другая рука, с которой она сняла черную перчатку, лежала у нее на коленях, гладкая и пухлая, украшенная толстым золотым браслетом с часами. Сидевшая рядом с ней женщина помоложе, застенчивая, с ярким румянцем на щеках, разглядывала бледную девушку, которая только что вошла в купе.

«Что-то им не нравится в ней», – подумал Шелтон. В карих глазах девушки, несомненно, таилась робость; по покрою платья видно было, что она иностранка. И вдруг Шелтон встретился взглядом с другой парой глаз: молодой человек с тонким искривленным носом тотчас же отвернулся, но Шелтон успел заметить в этих голубых навывах глаз тень насмешки. Ему показалось, что незнакомец оценивает его и смеется над ним, хочет понравиться и словно привлекает на свою сторону. Шелтон не отвел глаз: это насмешливое живое лицо с двухдневной рыжеватой щетиной, длинным носом и толстыми губами озадачивало его. «Физиономия циника», – мелькнула у него мысль. «Но человек чуткий», – мелькнула другая, и вновь первая мысль: «И все же слишком уж циничный».

Странный молодой человек сидел, широко раздвинув колени и скрестив под скамьей ноги в изношенных брюках и пыльных башмаках; пожелтевшие кончики его пальцев соприкасались и словно скручивали невидимую папиросу. Печать отчужденности лежала на этом человеке в потрепанной одежде; в сетке над его головой не было и намека на какой-либо багаж.

Робкая девушка сидела рядом с этим непонятным субъектом. Возможно, более чем скромный костюм соседа побудил ее обратиться именно к нему.

– Простите, мосье, не говорите ли вы по-французски? – спросила она.

– Конечно, говорю.

– Тогда скажите, пожалуйста, где берут билеты?

Молодой человек покачал головой.

– Не знаю, – сказал он. – Я иностранец.

Девушка тяжело вздохнула.

– Но что с вами, мадемуазель?

Девушка не ответила и только крепче сжала руки на старой сумке, которая лежала у нее на коленях. В купе воцарилась тишина – так затихают животные, почуяв приближение опасности; взоры всех пассажиров были устремлены на чужестранцев.

– М-да, – прервал молчание краснощекий человек, – он был немножко навеселе в тот вечер, наш старый Том.

– Угу, – заметил его сосед, – это с ним бывает.

Как видно, что-то положило конец их взаимному недоверию. Пухлая гладкая рука дамы с римским профилем судорожно сжалась, и это движение отвечало тревожному чувству, наполнившему сердце Шелтона. Казалось, и ее рука, и его сердце бояться, как бы к ним не обратились с какой-нибудь просьбой.

– Мосье, – сказала девушка дрожащим голосом, – я очень несчастна. Посоветуйте, как мне быть. У меня нет денег на билет.

В лице молодого иностранца что-то дрогнуло.

– Да? – произнес он. – Это, конечно, с кем угодно может случиться.

– Что со мной могут сделать? – проговорила девушка со вздохом.

– Не падайте духом, мадемуазель. – Молодой человек обвел глазами пассажиров, и взгляд его остановился на Шелтоне. – Впрочем, пока что ваше положение кажется мне безвыходным.

– Ах, мосье, – вздохнула девушка, и хотя было ясно, что никто, кроме Шелтона, не понимает, о чем они говорят, в купе все же почувствовался холодок.

– Я был бы рад помочь вам, – сказал молодой иностранец, – но, к сожалению... – Он пожал плечами и снова перевел взгляд на Шелтона.

Тот сунул руку в карман.

– Могу я быть чем-нибудь полезен? – спросил он по-английски.

– Конечно, сэр. Вы могли бы оказать величайшую услугу этой молодой леди, одолжив ей денег на билет.

Шелтон вытащил кошелечек. Молодой человек взял его и, передавая девушке, воскликнул:

– Тысяча благодарностей! *Voila une belle action!*¹

Тут на Шелтона напали сомнения, всегда сопутствующие случайной благотворительности; ему было стыдно, что у него возникли подобные сомнения, и было бы стыдно, если бы они не возникли: он украдкой посматривал на иностранца, который говорил теперь с девушкой на чужом для Шелтона языке. Иностранец этот выглядел настоящим оборванцем, но выражение его лица говорило о тонком остром уме и силе воли, какие редко можно обнаружить на лице заурядного человека; переведя взгляд на других пассажиров, Шелтон уловил на их лицах своеобразное сочетание презрительного возмущения и любопытства. Откинувшись назад и полукрыв глаза, он попытался определить то новое, что появилось в атмосфере их купе. Ни в выражении лиц, ни в поведении его соседей не было ничего такого, к чему можно было бы придаться и что можно было бы втайне осудить, и это озадачивало его. Они продолжали беседовать с удивительным, чуть нарочитым бесстрастием, и все же Шелтон твердо знал, словно услышал по секрету от каждого, что этот подозрительный эпизод вывел их из состояния покоя. Случилось нечто противоречащее их понятиям о благопристойности, нечто опасное, мешающее им благодушествовать и потому непростительное. Каждый по-своему проявлял неудовольствие: одни – с юмором, другие философски или презрительно, с раздражением или с насмешкой. Внезапно, словно прозрев, Шелтон понял, что и у него в глубине души притаились те же чувства. И он рассердился на своих соседей и на себя за то, что разделяет их неудовольствие. Он взглянул на пухлую гладкую руку дамы с римским профилем. От этой холеной белой руки веяло необычайным самодовольством и обособленностью: какая-то уверенная праведность в ее изгибе, чопорная жеманность отставленного толстого мизинца – все это приобрело совершенно необъяснимую значимость, словно олицетворение приговора, который вынесли его спутники по купе, приговора общества, ибо Шелтон знал, что любые восемь человек, собравшиеся хотя бы в купе третьего класса, представляют собой зародыш общества, даже если они и внушают отвращение благовоспитанному человеку.

Однако Шелтон был влюблен и недавно помолвлен, а потому у него имелись все основания не поддаваться чувству недовольства; перед его мысленным взором вновь возникло бесстрастное красивое лицо, быстрые движения и ослепительная улыбка той, чей образ не покидал его во все время добровольного изгнания. Он достал последнее письмо своей невесты, но голос молодого иностранца, обратившегося к нему скороговоркой по-французски, заставил его поспешно спрятать конверт.

– Судя по тому, что она мне рассказала, сэр, – начал незнакомец, наклоняясь к Шелтону, чтобы девушка не могла расслышать его слов, – положение ее весьма печально. Я был бы рад помочь ей, но, как видите... – Он сделал жест, и Шелтон понял, что ему пришлось расстаться с жилетом. – Я не Ротшильд! Она приехала в Дувр с человеком, который обещал на ней жениться, а потом бросил ее. Посмотрите, – он быстрым взглядом указал на их спутниц, отодвинувшихся подальше от француженки, – как они стараются, чтобы их одежда не коснулась ее! Это добродетельные женщины, сэр. И какая же чудесная вещь – добродетель! А еще чудеснее сознавать, что обладаешь ею, особенно когда нечего бояться искушений!

Шелтон не мог удержаться от улыбки, а когда он улыбался, выражение его лица тотчас смягчалось.

– Замечали ли вы, – продолжал молодой иностранец, – что люди, которым по складу их характера и условиям жизни меньше всего подобает судить других, как раз и выступают обычно в роли судей? Суждения общества всегда бывают детски наивными, потому что оно состоит в основном из людей, которым никогда не приходилось солоно. И потом, те, у кого есть деньги, рискуют лишиться своих капиталов, если они перестанут считать неимущих мошенниками и идиотами.

---

¹ Вот благородный поступок! (фр.)

Шелтона поразило это стремление бедно одетого юноши поделиться с ним, человеком совсем незнакомым, своими умозаключениями; поразило и то, что этот юноша так оригинально выразил его собственные затаенные мысли. Поддавшись странному обаянию незнакомца, Шелтон перестал раздумывать над необычностью создавшегося положения.

– Вы, вероятно, приезжий? – спросил он.

– Я уже семь месяцев в Англии, но до сих пор еще не бывал в Лондоне, – ответил тот. – Я рассчитываю найти себе там полезное применение – давно пора! – На секунду губы его тронула горькая и вместе с тем жалостная улыбка. – Не я буду виноват, если мне не повезет. Вы англичанин, сэр?

Шелтон кивнул.

– Простите, что я спрашиваю вас об этом. В вашем тоне я не слышу того, что замечал почти у всех англичан: особого... – *comment cela s'appelle?*² – апломба, в котором проявляется одно из величайших достоинств вашей нации.

– Какое же это? – с улыбкой спросил Шелтон.

– Самодовольство, – ответил молодой иностранец.

– Самодовольство! – повторил Шелтон. – И вы называете это великим достоинством?

– Вернее, мосье, я назвал бы это серьезным недостатком народа, который всегда был великим. Вы, несомненно, самая культурная нация на земле, и это обстоятельство вас несколько испортило. Будь я английским проповедником, я стремился бы прежде всего доказать вам всю никчемность вашего самодовольства.

Шелтон откинулся на спинку скамьи и стал обдумывать это дерзкое замечание.

– Гм, – проговорил он наконец, – ваши проповеди едва ли пользовались бы успехом. Не думаю, чтобы мы были самоувереннее какой-либо другой нации.

Иностранец вздохнул, как бы соглашаясь с этим мнением.

– Это действительно довольно распространенная болезнь, – сказал он. – Посмотрите на них. – И он быстрым взглядом указал на сидевших в купе пассажиров, обычных, заурядных людей. – Что дает им право кичиться своей добродетелью и отворачивать нос от тех, кто живет иначе, чем они? Впрочем, вон тот старик земледelec, пожалуй, не такой: он вообще никогда не думает; зато посмотрите на эту пару: как они увлеклись своей глупой болтовней о ценах на хмель, о видах на урожай картофеля, о проделках какого-то Джорджа и о тысяче подобных мелочей! Взгляните на их лица! Я ведь сам из буржуа, и я вас спрашиваю: проявили ли эти люди хоть раз такие качества, которые давали бы им право гладить себя по головке? Куда там! Они знают только, как растить картошку, и все непонятное внушает им ужас и презрение. А таких миллионы! *Voila la Socié'té!*³ Этим людям свойственно одно: трусость! Я воспитывался у иезуитов, – заметил он в заключение, – они научили меня думать.

При обычных обстоятельствах Шелтон, следуя правилам хорошего тона, произнес бы: «Ах вот как!» – и уткнулся бы носом в спасительные страницы «Дейли телеграф». Но сейчас, повинувшись непонятному побуждению, он взглянул на молодого человека и спросил:

– Почему вы говорите все это именно мне?

Бродяга – ибо, если судить по его башмакам, он вряд ли мог быть кем-либо иным – минуту помедлил и затем, словно решившись говорить правду, ответил:

– Когда вот так постраникуешь по свету, как я, появляется особый инстинкт, который подсказывает, кого следует выбирать в собеседники и каким тоном с ним разговаривать. Все в жизни диктуется необходимостью, и, если хочешь жить, нужно научиться всем этим премудростям, иначе пропадешь.

---

² Как это называется? (фр.)

³ Вот каково общество! (фр.)

Шелтон, который и сам обладал довольно гибким умом, не мог не заметить, что под этими словами скрыт тонкий комплимент. Молодой человек словно хотел сказать ему: «Я уверен, что вы не поймете меня превратно и не сочтете бездельником только потому, что я изучаю человеческую природу».

– Но разве ничего нельзя сделать для этой бедной девушки?

Новый знакомый Шелтона пожал плечами.

– Разбитая чашка, – сказал он. – Ее теперь уже не склеишь. Она едет к своей кухне в Лондон и надеется, что та ей поможет. Вы дали ей денег, чтобы добраться до Лондона, и это все, что вы можете для нее сделать. Что ждет ее в дальнейшем, слишком хорошо известно.

– Но это же ужасно! – с искренним возмущением проговорил Шелтон. – Разве нельзя убедить ее вернуться домой? Я бы с радостью...

Молодой человек покачал головой.

– *Mon cher monsieur*, – сказал он, – вы, видимо, до сих пор не имели случая узнать, что такое семья. Семья не любит подпорченного товара: у нее не найдется доброго слова для сына, который запустил руку в кассу, или для дочери, которую нельзя уже выдать замуж. На что она им, черт возьми, такая? Уж лучше привязать ей камень на шею и сразу утопить. Все мы христиане, но быть христианином далеко не то же, что быть добрым самаритянином.

Шелтон взглянул на девушку, которая сидела неподвижно, сложив руки на сумке, и в душе его поднялось возмущение против несправедливости жизни.

– Да, – заметил иностранец, словно угадывая его мысли, – то, что мы называем добродетелью, почти всегда не более как удача. – И он обвел взглядом своих соседей, как бы говоря: «Ну конечно, сила условностей! Пожалуйста, придумывайте себе условности, только не кичитесь, как павлины, тем, что вы их придерживаетесь: все в мире только трусость и удача, друзья мои, только трусость и удача!»

– Послушайте, – сказал Шелтон, – я дам ей мой адрес, и она, если захочет вернуться домой, пусть напишет мне.

– Она никогда не вернется домой: у нее не хватит на это мужества.

Шелтон поймал подобострастный взгляд девушки; в ее слегка отвисшей нижней губе было что-то чувственное, и Шелтон понял, что молодой человек прав.

«Лучше им, пожалуй, не давать моего домашнего адреса», – подумал он, взглянув на лица сидевших напротив него молодых людей, и написал следующее: «Контора Парамора и Херринга, Линкольнс-инн-филдс, для Ричарда Парамора Шелтона».

– Вы очень добры, сэр. Меня зовут Луи Ферран. Адреса пока не имеется. Я постараюсь растолковать ей, в чем дело: сейчас она не в себе.

Шелтон снова уткнулся в газету, но он уже не мог читать: слова молодого незнакомца продолжали звучать у него в ушах. Он поднял глаза. Пухлая рука дамы с римским профилем по-прежнему лежала у нее на коленях, только теперь была втиснута в черную перчатку с толстым белым швом. В хмуром взгляде дамы, устремленном на него, сквозило осуждение, словно он оскорбил ее чувство приличия.

– Он не получил с меня ни гроша, – громко сказал краснощекий мужчина в заключение разговора о сборщиках налогов.

Раздался громкий свисток паровоза, и Шелтон снова взялся за газету. Он скрестил ноги, твердо решив на сей раз насладиться чтением репортажа о последнем убийстве, и снова поймал себя на том, что разглядывает насмешливое лицо длинноносого незнакомца.

«Этот парень много видел и много пережил, – подумал он, – раз в десять больше, чем я, хотя он моложе меня лет на десять».

Чтобы отвлечься от этих мыслей, Шелтон стал смотреть на пробегавший мимо пейзаж с ровными рядами изгородей и родными его сердцу рощами, на апрельские облака. Но странные мысли не оставляли его в покое, и он досадовал на себя: этот молодой иностранец и раз-

говор с ним вывели его из равновесия. Он словно отправлялся в некое путешествие по неведомым ему дотоле путям раздумий.

Глава II. Антония

За пять лет до описанного выше путешествия, в конце летних состязаний по гребле, Шелтон стоял на пристани, принадлежащей колледжу, в котором он раньше учился. Он уже несколько лет как вышел из стен университета, но гребные гонки по-прежнему привлекали его в Оксфорд.

Лодки как раз проходили мимо пристани; все устремились к перилам, и в эту минуту плечо Шелтона коснулось мягкого девичьего плеча. Он увидел рядом девушку со светлыми волосами, перехваченными лентой; лицо ее разгорелось от возбуждения. Изящная линия подбородка, тонкая шея, пушистые волосы, быстрые движения и спокойная сила, дремлющая в серо-голубых глазах, мгновенно поразили воображение Шелтона.

– Но мы должны догнать их! – чуть задышав, воскликнула она.

– Ты незнаком с моей семьей, Шелтон? – раздался голос у него за спиной, и вслед за тем девушка одарила его быстрым и застенчивым прикосновением руки, потом он коснулся теплых пальцев дамы с добрыми глазами зайчихи и почувствовал крепкое пожатие джентльмена с тонким орлиным носом на загорелом насмешливом лице.

– Это вы и есть тот самый мистер Шелтон, который играл на барабане в Итоне? – спросила дама. – Мы так много слышали о вас от Бернарда. Вы ведь были его идеалом! Как мне жаль этих бедных юношей в лодках!

– Но это для них удовольствие, мама! – воскликнула девушка.

– Антонии надо бы самой заняться греблей, – заметил ее отец. Его фамилия была Деннант.

Шелтон пошел проводить их до отеля, где они остановились, и, шагая рядом с Антонией по лужайкам колледжа Крайстчерч, рассказывал ей эпизоды из своей университетской жизни. В тот вечер он обедал вместе с ними и, уходя, чувствовал себя так, словно выпил бокал шампанского.

Деннанты жили в шести милях от Оксфорда, в своем имении Холм-Окс; два дня спустя Шелтон побывал у них с визитом. И с тех пор, где бы он ни был – готовился ли к адвокатуре, играл ли в крикет, участвовал ли в гонках или охотился, – стоило ему почувствовать в воздухе свежее дуновение – запах сена, жимолости, клевера, – как перед ним вставал образ Антонии, нежные краски ее лица и прямой, открытый взгляд холодных глаз. Но прошло два года, прежде чем он вновь увидел ее. Он приехал тогда к Деннантам по приглашению Бернарда – играть в крикет с владельцами Холм-Окса против владельцев соседнего имения; вечером устроили танцы на лужайке. Светлые волосы Антонии были теперь зачесаны кверху, но глаза остались прежними. Шелтон и Антония словно всю жизнь танцевали вместе: они кружились по скользкой траве дольше всех остальных пар. Это, видимо, и заставило Антонию проникнуться к нему уважением. Шелтон был строен, немного выше ее ростом и, должно быть, говорил о том, что интересовало ее. Он узнал, что ей семнадцать лет; она же узнала, что ему двадцать девять. В последующие два года Шелтон приезжал в Холм-Окс всякий раз, как его туда приглашали; эти годы были для него полны очарования: игры, охота на лисят, любительские спектакли и доносившиеся издали звуки музыкальных упражнений. В глазах Антонии с каждым разом появлялось все больше теплоты и любопытства, а в его собственных – все больше застенчивости, сдержанности и затаенного огня. Затем смерть его отца, кругосветное путешествие и, наконец, это странное смешение самых противоречивых чувств, когда однажды утром, в марте, он сошел с парохода в Марселе и сел на поезд, отправлявшийся в Йер.

Антония жила в одном из тех первоклассных отелей, окруженных соснами, куда съезжались сливки английского общества вкупе с праздными американцами, русскими княгинями и богатыми евреями; Шелтон не был бы шокирован, если бы она жила где-либо в другом месте, но это удивило бы его. Быстрым внимательным взглядом она окинула его загорелое лицо и недавно отращенную бородку, которой он почему-то бесконечно гордился и за которую теперь, казалось, извинялся всем своим видом, и в ее голубых глазах промелькнуло очень дружелюбное и вместе с тем вовсе не дружелюбное выражение. Глаза эти как будто говорили: «Ну вот, вы снова с нами. Как я рада! Но... что же дальше?»

Он был милостиво допущен к их отдельному, священному и неприкосновенному столику в ресторане отеля. Продолговатый, накрытый белоснежной скатертью столик этот стоял в глубине просторной ниши: тут дважды в день, наслаждаясь созданной ими особой атмосферой, восседали высокородная миссис Деннант, мисс Деннант и высокородная Шарлотта Пенгвин – чахоточная старая дева, доводившаяся Антонии теткой.

Шелтону стало немного не по себе, когда он впервые увидел их за завтраком. Почему от них веяло такой странной обособленностью?

Миссис Деннант склонилась над фотографическим аппаратом.

– Вы знаете, боюсь, что недодержка, – промолвила она.

– Какая жалость! Котенок был такой милый!

Старая дева положила свое вязанье – красный шелковый галстук – рядом с тарелкой и устремила на Шелтона проникновенный благовоспитанный взор.

– Смотрите, тетушка: опять этот забавный человечек! – быстро проговорила Антония своим звонким голосом.

– О, – произнесла старая дева и при этом улыбнулась, обнажив верхние зубы; глазами она искала забавного человечка (который не был англичанином), – он такой милый!

Шелтон не стал искать глазами забавного человечка; украдкой он бросил взгляд на Антонию – только на ее чистый лоб, слегка взлетающие вверх брови, волосы, еще растрепанные после прогулки на ветру. С этого мгновения он стал ее рабом.

– Мистер Шелтон, вы что-нибудь понимаете в этих перископических аппаратах? – донесся до него голос миссис Деннант. – Ими так удобно снимать здания, но все здания такие неинтересные! Главное – это интересный человеческий материал, не так ли?

И взгляд ее рассеянно скользнул мимо Шелтона в поисках интересного человеческого материала.

– Мама, вы не записали, какие сделали снимки!

Миссис Деннант достала маленькую кожаную книжечку из маленькой кожаной сумочки.

– Так легко забыть, что снимаешь, – проронила она. – Вот ведь досада!

Обособленность Деннантов перестала вызывать в Шелтоне чувство неловкости: ни сами они, ни дела их уже не возмущали его. Было что-то прямо бесподобное в том, как они выходили из столовой, не замечая, какими смешными кажутся всем тем, кого сами находили смешными, когда сидели за столом; и он выходил вслед за ними из зала, неестественно выпрямившись и чувствуя себя полнейшим дураком.

В последующие две недели он не раз сиживал напротив Антонии в экипаже, когда она выезжала на прогулку в сопровождении своей тетушки, ибо миссис Деннант не любила кататься; он играл с Антонией в теннис, но лишь по вечерам, в долгие вечерние часы, которые они проводили, сидя в плетеных креслах возможно дальше от отопления, он, казалось, по-настоящему ощущал присутствие Антонии. Это уединение сближало их. Тут он превращался из приятеля в друга, которому она могла поведать обо всех своих надеждах и мечтах. В такие часы, даже когда она сидела молча, безмятежно и старательно делая наброски в альбоме, который никогда ему не показывала, самая поза девушки, исходившая от нее нежная свежесть, быстрые взгляды, которые она с чувством оскорбленного достоинства бросала на окружающих,

казалось, говорили, что он ей нужен. Но Шелтон даже не сознавал этого; словно замороженный, он не мог ни размышлять, ни наблюдать, и даже недостатки Антонии очаровывали его. Крошечные веснушки на носу, худощавая девичья фигура, узкие бедра и плечи, изгиб тонкой шеи – все лишь увеличивало ее обаяние. В ней было что-то напоминавшее о ветре и дожде, какой-то аромат родины, и на прогулках по залитым солнцем дорогам, испещренным черными тенями пальм, она казалась олицетворением туманного английского дня.

Однажды Шелтон пошел с ней играть в теннис к знакомым, а потом они решили прогуляться по ее любимым местам. Сады и пригорки, окаймлявшие дорогу в Тулон, тонули в оранжевой дымке; в воздухе веяло вечерней прохладой; вместе с жарой исчезло и оцепенение, сковывавшее тело, и кровь быстрее побежала по жилам. Справа от дороги какой-то француз играл в шары. Он привел в восхищение Шелтона: огромный, деловитый и довольный, он умирительно трусил рысцой по площадке, не сгибая могучего тела. А на лице Антонии, бросившей мельком взгляд на гиганта, отразилось отвращение. Вдали показались развалины старинной башни, и Антония вдруг побежала к ним.

Шелтон не старался нагнать девушку: он смотрел, как она прыгает с камня на камень; по временам она оборачивалась, и во взгляде ее сквозил вызов. Она достигла вершины холма, и он остановился, любуясь ею. Она, как статуя, возвышалась над простирившимся далеко внизу прекрасным миром. Щеки ее разрумянились, глаза блестели, юная грудь дышала взволнованно и глубоко, длинные рукава платья ниспадали широкими свободными складками – казалось, что она парит в воздухе.

Шелтон одним прыжком очутился возле нее; сердце его так билось, что он задыхался и был бледен как мертвец.

– Антония, – прошептал он, – я люблю вас!

Она вздрогнула, словно эти слова, ворвавшись в мир ее грез, вернули ее на землю, но лицо Шелтона, должно быть, дышало такой страстью, что промелькнувшая в глазах девушки досада тотчас исчезла.

Несколько минут они стояли молча, потом повернулись и пошли домой. Шелтон мучительно старался догадаться, что означает румянец, заливший ее лицо. Неужели он может надеяться? Неужели... А вечером некий инстинкт, ниспосылаемый порой влюбленным взамен рассудка, заставил его уложить чемодан и отправиться в Канны.

Через два дня Шелтон вернулся; войдя в зимний сад, он увидел группу, сидевшую посреди комнаты, и услышал голос тетушки, читавшей вслух статью из «Морнинг пост».

– Не правда ли, как мило! – донеслось до Шелтона, и тут она увидела его. – А, вот и вы! Очень мило, что вы вернулись.

Шелтон опустился в плетеное кресло. Антония, оторвавшись от своего альбома, быстро подняла на него глаза и протянула руку, но не сказала ни слова.

Шелтон смотрел на ее склоненную голову, и постепенно радость его испарялась, уступая место унынию. Целых пять томительных минут он с вымученным оживлением отвечал на расспросы тетушки, интересовавшейся, где он был и что делал. Но вот старая дева снова принялась за чтение «Морнинг пост».

Легкое прикосновение к рукаву заставило его вздрогнуть.

– Хотите взглянуть на мои наброски? – спросила Антония, наклонившись к нему; матовая белизна ее шеи резко подчеркивала яркий румянец, разлитый по щекам.

Почтенная старая дева продолжала читать почтенную газету, и звук ее монотонного голоса казался Шелтону, склонившемуся над альбомом с рисунками, самой сладостной музыкой на свете...

– Милый Дик, – сказала миссис Деннант Шелтону две недели спустя, – мы хотели бы, чтобы вы, после того как уедете отсюда, до июля не встречались с Антонией. Я, конечно, знаю,

что вы уже считаете себя женихом и получили по этому поводу немало поздравительных писем. Но Алджи полагает, что вы должны дать друг другу время обдумать ваше решение. Молодежь не всегда знает, чего хочет. Да и ждать придется недолго.

– Три месяца! – ахнул Шелтон.

Ему пришлось проглотить эту горькую пилюлю, и он старался по возможности не показывать своего разочарования. Выбора не было. Антония торжественно и даже с каким-то странным удовольствием повиновалась матери, словно ожидая, что отсрочка пойдет ей на пользу.

– По крайней мере, нам будет чего ждать, Дик, – сказала она.

Шелтон как можно дольше откладывал свой отъезд и уехал в Англию только в конце апреля. Антония провожала его одна. Моросил дождь, но она, казалось, была равнодушна к непогоде, и ее высокая тонкая фигура в плаще резко выделялась среди дрожавших от холода местных жителей. Шелтон с тоской пожал ее руку, ощущая теплоту кожи сквозь мокрую перчатку; ее улыбка была до того ослепительна, что казалась бессердечной.

– Вы ведь будете мне писать? – прошептал он.

– Ну конечно! Не надо быть таким глупым, Дик, милый!

Поезд тронулся, она побежала рядом, и, перекрывая стук колес, до него донеслось ее «до свидания» – пронзительное и звонкое. Он видел, как она вскинула руку, махая зонтиком, а потом все слилось вдали в одну сплошную массу, из которой выделялось лишь яркое пятно ее пунцового берета.

Глава III. Зверинец

В Лондоне, когда Шелтон получал на вокзале багаж, мимо него прошла молодая иностранка – его соседка по вагону, – и хотя Шелтону хотелось сказать ей несколько ободряющих слов, он ничего не сумел придумать и лишь виновато улыбнулся. Девушка скоро исчезла из виду, смешавшись с толпой; тут Шелтон обнаружил, что один из его чемоданов еще не доставлен, и это обстоятельство заставило его забыть о ней. Но кэб, отвозивший его домой, обогнал молодого иностранца, который шел враскачку, большими шагами по направлению к Пэлл-Мэлл, – во всей его фигуре чувствовалось сосредоточенное внимание и разочарованность.

Прошли первые дни суматохи после приезда, и время потянулось для Шелтона мучительно долго. Июль казался таким далеким, словно до него было еще сто лет; перед Шелтоном вставали глаза Антонии, в них был безнадежный робкий призыв. Ведь она и в Англию-то вернется не раньше чем через месяц!

«В поезде по дороге из Дувра я встретил одного молодого иностранца, – писал он Антонии. – Престранный тип! Разговор с ним подействовал на меня точно яд. Все окружающее представляется мне теперь таким плоским и бессмысленным; только Ваши письма и приносят отраду... Вчера со мной обедал Джон Нобл; бедняга пытался убедить меня выставить свою кандидатуру в парламент. Но есть ли у меня основания считать, что я могу издавать законы для несчастных, которых мы во множестве встречаем на улицах? Если по выражению лица можно судить, счастлив ли человек, то мне не хотелось бы нести никакой ответственности за то...»

И действительно, улицы Лондона, которые Шелтон теперь вновь увидел после долгого пребывания на Востоке, давали немалую пищу для размышлений: удивительное самодовольство на лицах прохожих; нескончаемая суета; ужасающие контрасты: жалкие измученные женщины и рядом с ними упитанные мужчины с похотливым, тупым взглядом бычьих глаз. Шелтон видел их повсюду: в окнах клубов, на уличных перекрестках, в театральных ложах, у входов в отели – всюду, где они исполняли свои необременительные «обязанности»; крикливо одетые женщины с жестким алчным взглядом и бледные мужчины с глазами затравленного животного;

блестящие дамы в роскошных экипажах и оборванные нищие в измятых кепках – все то же самое, и никому ни до кого нет дела!

Как-то в мае Шелтон получил письмо, написанное по-французски:

«З. Блэнк-роу, Вестминстер.

Дорогой сэр!

Простите, что я осмеливаюсь напомнить Вам о том, что Вы любезно предложили мне свою помощь в тот день, когда мы ехали в одном вагоне из Дувра в Лондон и мне посчастливилось познакомиться с таким человеком, как Вы. Я обегал весь город, готовый взяться за любую работу; деньги мои подходят к концу, состояние духа самое подавленное, – вот я и решился воспользоваться Вашим разрешением и, зная Ваше доброе сердце, обратиться к Вам. Со времени нашей встречи я пережил бездну всевозможных несчастий, и, кажется, не осталось ни одной двери, в которую бы я не постучал! Я заходил в контору, которую Вы мне указали, но там отказались сообщить Ваш адрес, ибо я, к сожалению, очень оборван. Не правда ли, как это характерно для англичан? Мне предложили написать Вам письмо и обещали его переслать. Вы – моя единственная надежда, и, какое бы решение Вы ни приняли, я останусь по-прежнему преданный Вам Луи Ферран».

Шелтон еще раз взглянул на письмо и увидел, что оно написано неделю назад. Перед ним возникло лицо молодого человека – выразительное, живое, насмешливое, в ушах зазвучал его быстрый французский говор, и по какой-то странной ассоциации одновременно, с поразительной ясностью, возник образ Антонии. Ведь он встретил француза в конце своего путешествия из Йера в Лондон, и это как бы давало молодому человеку право рассчитывать на его помощь.

Шелтон надел шляпу и поспешил на Блэнк-роу. Он отпустил кеб на углу Виктория-стрит и с трудом нашел нужный номер дома. Это была ночлежка, а потому подъезд отсутствовал: прямо от входа начинался коридор, выложенный каменными плитами. Шелтон постучал в опускающееся окошечко, какие бывают в кассах, чтобы привлечь внимание неряшливой женщины с хлопьями мыльной пены на руках; она сообщила ему, что молодой человек, о котором он спрашивает, уехал, не оставив адреса.

– А нельзя ли у кого-нибудь узнать о нем? – спросил Шелтон.

– Как же, тут есть один француз.

Она приоткрыла дверь, ведущую внутрь дома, и, рывкнув: «Эй, француз! Зовут», – исчезла.

На ее зов вышел маленький, весь высохший человечек с желтым лицом, таким опустошенным и потрепанным, словно жизнь провела по нему паровым катком; он остановился, как будто обнюхивая Шелтона, и тот подумал, что он странно похож на зверька в клетке.

– Он уехал отсюда дней десять назад вместе с одним мулатом. Могу попытаться, зачем он вам нужен? – Желтое лицо француза недоверчиво сморщилось.

Шелтон вынул письмо.

– А, так я знаю вас. – Бледная улыбка резче обозначила морщинки у глаз. – Он говорил о вас. «Если только я сумею найти его, – говорил он, – я спасен». Мне нравился этот молодой человек: у него был живой ум.

– Нельзя ли найти его через вашего консула?

Француз покачал головой.

– Это все равно что искать алмазы на дне моря, – сказал он.

– А не может он сюда вернуться, как вы думаете? Впрочем, вы тогда и сами вряд ли будете здесь.

Француз иронически усмехнулся, блеснув зубами.

– Я? Ну нет, сэр! Было время, я тешил себя надеждой, что всплыву когда-нибудь на поверхность, но теперь я больше себя не обманываю. Я брею здешнюю публику, чтобы заработать себе кусок хлеба, и буду этим заниматься до Судного дня. Но вы все-таки оставьте у меня письмо: Ферран вернется. У него тут заложено пальто – он получил за него немного денег, а оно стоит куда больше. Да, конечно, он вернется: этот юноша с принципами. Оставьте у меня письмо, я всегда здесь.

Шелтон колебался, но последние слова француза – «я всегда здесь» – тронули его своей простотой. Ничего более страшного этот человек не мог бы сказать.

– В таком случае принесите мне, пожалуйста, листок бумаги, – попросил Шелтон. – Сдачу оставьте себе за труды.

– Благодарю вас, – просто ответил француз. – Ферран говорил мне, что у вас доброе сердце. Если не возражаете, я провожу вас на кухню, там вы сможете спокойно написать письмо.

На кухне, тоже выложенной каменными плитами, Шелтон присел к столу и стал писать: в комнате, кроме него, сидел высохший старик, который без конца бормотал что-то себе под нос, и Шелтон, подозревая, что он пьян, старался не привлекать его внимания. Однако, когда Шелтон уже собрался уходить, старик вдруг обратился к нему с вопросом.

– Скажите, мистер, бывали вы когда-нибудь у зубного врача? – с легким ирландским акцентом спросил он, стараясь иссохшими пальцами выдернуть шатающийся зуб. – Я вот как-то пошел к врачу, который утверждал, что пломбирует зубы без боли; мошенник и впрямь запломбировал мне зубы без боли, да только разве эти пломбы удержались? Как бы не так: все вылетели, не успел я и глазом моргнуть. Ну, скажите на милость, разве это можно назвать лечением зубов? – И, устремив взгляд на воротничок Шелтона, который, как на грех, был высокий и чистый, он продолжал с пьяной злобой: – И все так в этой фарисейской стране! Одни разговоры о высокой нравственности, об англосаксонской цивилизации! Никогда еще мир не падал так низко! А какая здесь, к черту, нравственность? Высокая нравственность лавочников! В каком состоянии находится искусство в этой стране? Какие идиоты кривляются на сцене! Какие картины и книги находят тут сбыт! Я-то знаю, что говорю, хоть я и человек-реклама! А в чем секрет? В том, что эта страна – большая лавка, мой милый. Невыгодно добираться до сути вещей! Поцекотать – пожалуйста, но ударить ножом – нет! Мы не выносим вида крови. Верно я говорю?

Шелтон стоял растерянный, не зная, отвечать или нет, а старик помолчал немного, поджав губы, и продолжил:

– Видите ли, сэр, в этой отравленной туманами стране не существует крайностей. Как, по-вашему, такая мразь, как я, должна существовать? Почему же буржуа не уничтожают нас? Все полумеры да полумеры, а почему? Потому что они против крайностей. Взгляните на женщин: ведь здешние улицы – позор на весь свет! Буржуа не признают, что все это существует; они так задрали носы, что и знать ничего не хотят! Они закрывают глаза на то, что творится в этой торгашеской стране. Это им выгодно, мой милый, – сообщил он Шелтону, понизив голос. – Вы говорите: почему бы им так не поступать? – заметил он, хотя Шелтон за все время не проронил ни слова. – Ну что ж, пусть себе на здоровье! Только не уверяйте меня тогда, что это высокая нравственность, что это цивилизация! Чего же можно ждать от страны, где живым страстям никогда и никак не дозволено проявляться! Ну, и что получается? Получается, мой милый, сплошное суюканье – этакая желтая штука с голубыми разводами вроде плесени или стилтонского сыра. Пойдите в театр и посмотрите, что они там играют! Разве это пища для взрослых людей? Это сладкая каша для детей и приказчиков! Я сам был актером, черт побери!

Слова старого актера и забавляли, и пугали Шелтона; он слушал его до тех пор, пока старик не умолк, сторбившись на своем табурете у стола.

– Вы, наверно, никогда не напиваетесь, – внезапно заметил тот, – как видно, в вас слишком силен английский дух.

– Да, я пью очень редко, – сказал Шелтон.

– Жаль! Вы себе и представить не можете, как много удовольствия в забвении! Я вот напиваюсь каждый вечер.

– Сколько же вы протянете, если будете так пить?

– Вот в вас и заговорил англичанин! Стоит ли отказываться от единственного наслаждения, чтобы продлить столь жалкую жизнь, как моя? Если у человека еще есть ради чего быть трезвым – пусть будет трезвым, пожалуйста; а если нет, то чем скорее напьешься, тем лучше – ясно как день.

В коридоре Шелтон спросил у француза, кто этот старик.

– Какой-то англичанин. Да-да, из Белфаста. Пьяница беспробудный. Все вы, англичане, пьяницы. – И он махнул рукой. – Вот этот уж больше и есть не может: все нутро у него сгорело. Очень жаль: он человек с умом... Кстати, мосье, если вы никогда не видели подобных дворцов, я с удовольствием покажу вам наши покои.

Шелтон достал портсигар.

– Да-да, – продолжал француз, – я-то уж привык к здешнему воздуху. – Он поморщился и взял предложенную Шелтоном папиросу. – А вот вы разумно поступаете, что закурили: тут у нас далеко не гарем.

И Шелтон устыдился своей брезгливости.

Француз провел его наверх и, открыв дверь, сказал:

– Вот полюбуйте на эти апартаменты. Такие здесь отводятся принцам крови.

В комнате стояло четыре железных кровати; француз с видом заправского гида подошел к одной из них и откинул край грязного ватного одеяла.

– Жильцы уходят утром, – продолжал он, – зарабатывают ровно столько, чтобы напиться, потом заваливаются спать, и на следующее утро все начинается сначала. Так и проходит их жизнь. Есть люди, которые считают, что таких субъектов следует перевоспитывать, но, *mon cher monsieur*, нужно все-таки немножко считаться с действительностью, даже здесь, в Англии. Было бы куда лучше, если бы эти субъекты занялись перевоспитанием высшего общества. Ведь именно высшее общество порождает их – что посеешь, то и пожнешь. *Selon moi*⁴, – продолжал он, опустив край одеяла и пуская дым через нос, – между вашим высшим обществом и вот этими субъектами нет большой разницы: как те, так и другие жаждут удовольствий, как те, так и другие думают только о себе, и это вполне естественно. Одним повезло, ну а другим – сами видите! – И он пожал плечами. – Компания тут скверная. Меня уже обкрадывали раз пять. Если у вас новые башмаки, хороший пиджак или пальто, вам мало одной пары глаз... А насекомые тут!.. Попробуйте лечь на чужую постель, и вы определенно не будете спать в одиночестве. *Vila ma clientele!*⁵ Половина мне даже не платят! – Он щелкнул желтыми костлявыми пальцами. – Бритье – пенни, стрижка – два. *Quelle vie!*⁶ Вот здесь, – продолжал он, останавливаясь у одной из кроватей, – ночует джентльмен, который должен мне пять пенсов. А вот тут спит бывший солдат. Это конченный человек! Все они затравленные, ни у одного не осталось и капли мужества. Но видите ли, мосье, – проговорил он, открывая другую дверь, – уж если человек опустился до жизни в таких домах, у него непременно должен быть какой-то порок: здесь он так же необходим, как воздух для легких. Не важно, какой у вас порок, но вы должны иметь его, чтоб было хоть маленькое облегчение – *un peu de soulagement*. Так вот, прежде чем осуждать этих свиней, поразмыслите немного о том, что такое жизнь. Я-то испытал все это;

---

⁴ На мой взгляд (*фр.*).

⁵ Вот вам мои клиенты! (*фр.*)

⁶ Ну и жизнь! (*фр.*)

и знаете, мосье, не очень приятно себя чувствуешь, когда не знаешь, будет ли у тебя сегодня обед. Сытые джентльмены, у которых достаточно денег в карманах и которые знают, что завтра у них опять будут деньги, никогда не думают о подобных вещах, *pas de danger!*⁷ Все клетки тут одинаковые. Пойдемте вниз – вы посмотрите нашу буфетную.

Через кухню, которая, видимо, заменяла в этом заведении гостиную, он провел Шелтона в чулан, заваленный грязными ножами, чашками, блюдами и тарелками. Тут тоже был камин, в котором горел огонь.

– У нас всегда есть горячая вода, – пояснил француз, – а три раза в неделю топят вон ту печь, – и он указал на подвальное помещение, – чтобы наши клиенты пропаривали своих вшей. Ничего не скажешь, полный комфорт!

Шелтон вернулся на кухню и тут же распростился с маленьким французом, а тот, желая подольше удержать Шелтона, чтобы снискать его расположение и, быть может, превратить в своего покровителя, сказал:

– Будьте спокойны, мосье, если только этот молодой человек вернется, он тут же получит ваше письмо. Моя фамилия Каролан, Жюль Каролан, и я всегда к вашим услугам.

Глава IV. В театре

Шелтон вышел на улицу с таким ощущением, словно он только что очнулся от тяжелого кошмара. «Этот старик актер просто пьян, – думал он, – и конечно, он ирландец, однако в его словах есть доля правды. Я фарисей, как и все те, кто не на дне. Моя порядочность – не более чем счастливая случайность. Неизвестно, чем бы я стал, родился я в таких условиях, как этот актер». Шелтон всматривался в человеческий поток, выливавшийся из магазинов, стараясь угадать, что скрывается под невозмутимым самодовольством, написанным на лицах. Что, если бы все эти леди и джентльмены очутились там, на дне, куда он только что заглянул? Сумел бы хоть один из них выбраться оттуда? Но Шелтон был не в силах представить себе их на дне: слишком уж это казалось невероятным, нелепым и невероятным.

Среди грязи, грохота и суеты мрачных, уродливых, бесшабашно веселых улиц его внимание привлекла одна пара – красивый крупный мужчина с женой, выступавшие рядышком в чинном молчании; видимо, они купили что-то и были очень довольны покупкой. В их манере держаться не было ничего оскорбительного, они, казалось, просто не замечали проходящей мимо толпы. От фигуры мужчины, широкоплечей и плотной, веяло непоколебимой самоуверенностью, присущей тем, у кого есть лошади, охотничьи ружья и несессеры. Его жена, уютно уткнувшись подбородком в мех, шла рядом, не отрывая серых глаз от земли; когда же она заговорила, ее ровный, невозмутимо спокойный голос долетел до слуха Шелтона, несмотря на грохот улицы. Он звучал размеренно и неторопливо, словно его обладательница никогда и ничего не говорила сгоряча, словно в нем никогда не прорывалась ни усталость, ни страсть, ни страх. Разговор их, как и разговор многих десятков других благопристойных пар, прибывших из своих поместий и наводнявших в эту пору Лондон, вертелся вокруг того, где пообедать, в какой театр пойти, кого навестить, что купить. И Шелтон знал, что целый день, с утра и до вечера, и даже в постели то будут единственные темы их разговора. Это были чрезвычайно благовоспитанные люди, каких он встречал в поместьях своих друзей и чье существование принимал как должное, хотя неясные сомнения и шевелились порой в его душе. Дом Антонии, например, был всегда полон ими. Это были чрезвычайно благовоспитанные люди, которые занимаются благотворительностью, знают всех и каждого, обо всем судят уверенно и спокойно и относятся нетерпимо к поведению, считающемуся, на их взгляд, невозможным, – ко всякого рода преступлениям против морали, таким, как промахи в соблюдении этикета

---

⁷ Будьте спокойны! (*фр.*)

или же бесчестные поступки, проявления страсти или сочувствия. В строго определенных случаях последнее, конечно, допускалось: например, в связи с законной печалью, когда кто-нибудь умирал в их семье или в их кругу. Каким благополучием веет от них!.. Воспоминание о ночлежке, словно яд, разъедало мозг Шелтона. Он сознавал, что хороший костюм и сдержанная уверенность походки делают его похожим на ту пару, которая привлекла его внимание. «До чего же мы пошлы в своей утонченности», – подумал он. Но он сам едва ли верил в искренность своего негодования. Эти люди такие благопристойные, у них такие хорошие манеры, они так хорошо держатся, что, право, непонятно, чем они, собственно, раздражают его. Что в них такого неладного? Они выполняют свои обязанности, у них хороший аппетит, чистая совесть – все, что необходимо примерному гражданину; они лишены только органов чувств – Шелтон читал где-то, что они атрофируются в какой-то степени у растений и животных, которые потеряли необходимость в них. Некий редкий, присущий всей нации дар видеть лишь то, что бросается в глаза и что представляет конкретную, осязаемую ценность, полностью лишил этих людей способности улавливать краски и запахи окружающего мира.

Дама взглянула на мужа. В ее безмятежных серых глазах сквозила спокойная привязанность собственницы, и отблеск этого законного чувства освещал ее лицо, слегка покрасневшее от ветра. Муж тоже посмотрел на нее спокойным, деловитым, покровительственным взглядом. Как они похожи друг на друга! Он выглядит, конечно, так же, когда подходит к ней вечером в белоснежной рубашке и просит поправить ему белый галстук; так же выглядит и она, стоя перед трюмо и застегивая на шее подаренное им колье. Спокойные благодушные собственники! Шелтон обогнал их и пошел следом за другой, менее изысканной парой, все поведение которой говорило о взаимной неприязни, столь же несомненной и естественной, как и безмятежное согласие и любовь первой пары. Впрочем, неприязнь эта тоже была вполне благопристойным чувством и вызвала в Шелтоне примерно такие же ощущения. Словом, замкнутый круг: пара за парой, и все одинаковые, – казалось, что стучишься в наглухо заколоченную дверь. Толпа была безлика – все гладко и плоско, как картон. Люди погрязли в житейской трясине: ни одна нога не торчит из этой топи, ни одна голая мокрая рука не тянется к небесам; лавочники, аристократы, рабочие, чиновники – все выглядят одинаково респектабельно. Да и у самого Шелтона вид не менее респектабельный, чем у любого из них.

В таком мрачном настроении Шелтон вернулся к себе и, поддавшись минутному порыву, как это бывало с ним всякий раз, когда он собирался совершить что-либо неразумное, схватил перо, чтобы поделиться с Антонией хотя бы частью своих дум.

«...Какие все мы мелочные, дорогая! Да, вот то слово, которое может служить нам характеристикой: все мы убоги – и герцоги и мусорщики, – убоги, как черви! Оградить свою собственность и свой покой от всяких посягательств, проявить сочувствие умеренно, лишь настолько, чтобы это не повредило нам самим, – вот предел наших стремлений! В людях есть что-то крайне отталкивающее, и чем они высоконравственнее, тем более отталкивающими мне кажутся...»

Он на минуту задумался, покусывая перо. Пожалуй, любой из его знакомых, увидев эти строки, посоветовал бы ему сходить к врачу. Ну разве земля может вертеться, разве общество может существовать без здравого смысла, практицизма и душевной черствости?

Шелтон взглянул в открытое окно. Внизу, на улице, стояла коляска, и лакей прикрывал пледом колени сидевшей в ней дамы – их лица, которые отчетливо видны были Шелтону, своей чинной неподвижностью напоминали части хорошо смазанной машины.

Он встал и начал ходить взад и вперед по комнате. Он жил на небольшой площади, примыкавшей к Белгрейвии⁸, в квартире, где ничто не менялось со смерти его отца, сделавшей Шелтона состоятельным человеком. Шелтон выбрал ее в свое время из-за удачного местоположения. Комнаты были обставлены крайне разностильно: не казались голыми, но при более внимательном осмотре обнаруживалось, что в каждом предмете обстановки есть какой-нибудь изъян и что ни один из них, по-видимому, не пользуется особой любовью владельца. Все его вещи были подарками или случайными приобретениями – первым, что в минуту крайней необходимости попадалось ему в магазине. В комнате, конечно, не было грязно, но на всем лежал легкий слой пыли, как обычно бывает в квартирах людей, которые никогда не выговаривают прислуге. А самое главное – ничто не указывало на пристрастие их владельца к чему бы то ни было.

Через три дня Шелтон получил ответ от Антонии:

«... Вы пишете: «...чем они высоконравственнее, тем более отталкивающими мне кажутся». Я не вполне понимаю, что Вы хотите этим сказать. Разве не нравственность делает человека совершенным? Я не признаю безнравственных людей. Прочитав Ваше письмо, я почувствовала себя такой несчастной – пришлось для утешения сесть за противный рояль. Последнее время великолепно поиграла в теннис, наконец-то стал получаться удар слева. Урра!»

С той же почтой Шелтон получил записку, написанную твердым почерком:

«Здравствуй, Грач! (Так звали Шелтона в университете.) Жена на несколько дней уехала к своим, и я остался *en garçon*⁹. Если тебе нечего делать, заходи часов в семь, пообедаем, а потом пойдем в театр. Я не видел тебя целую вечность.

Искренне твой Б. – М. Хэлидом».

Шелтон сразу решил, что делать ему нечего. Он очень любил обеды, которые с редким умением устраивал его друг Хэлидом. И вот в семь часов он отправился на Честер-сквер. Шелтон застал своего друга в кабинете: при свете электрической лампы Хэлидом читал Мэтью Арнольда. Стены комнаты были увешаны дорогими гравюрами; подбор их говорил о неизменном и безошибочном вкусе хозяина; во всем – начиная с резьбы на камине и кончая переплетами книг, начиная с изумительно раскрашенных пенковых трубок и кончая филигранными ручками каминных щипцов, – во всем чувствовалась роскошь без претензий, порядок и какая-то утонченность, все указывало на продуманный, строго размеренный уклад жизни. Все в этой комнате было тщательно подобрано. Хозяин поднялся навстречу Шелтону. Это был представительный брюнет, гладко выбритый, с орлиным носом и красивыми глазами; держался он внушительно, с сознанием собственного достоинства, проистекавшего из уверенности в своей правоте.

Взяв Шелтона за лацкан фрака, он притянул его поближе к лампе и, слегка улыбаясь, оглядел.

– Рад тебя видеть, старина! А знаешь, ты мне даже нравишься с бородой, – заявил он с грубоватой прямолинейностью. Эта фраза наглядно доказывала его способность всегда и обо всем иметь собственные суждения – способность, неизменно восхищавшую Шелтона.

Хэлидом не извинился за скромность обеда, который состоял из восьми блюд и вин трех сортов, подавался дворецким совместно с лакеем и был столь же изысканным, как и вся обстановка; впрочем, Хэлидом никогда и ни за что не извинялся, а если и делал это, то с той же

---

⁸ Аристократический квартал Лондона.

⁹ Холостяком (*фр.*).

веселой грубоватостью, которая была куда хуже самого проступка. Он высказывал свое одобрение или неодобрение мягко, но неоспоримо и веско, и эта его манера казалась Шелтону смешной и одновременно принижающей собеседника, но то ли потому, что эгоизм его друга был таким человеческим, здоровым и глубоко укоренившимся, то ли просто потому, что они долго не виделись, Шелтона не раздражала смесь противоречивых чувств, которые возбуждал в нем Хэлидом.

– Кстати, поздравляю тебя, старина, – сказал Хэлидом, когда они ехали в театр: он никогда не поздравлял с вульгарной торопливостью, она не была ему свойственна. – Деннанты – очень приятные люди.

Шелтону показалось, что к его выбору приложили печать.

– Где вы намерены поселиться? Вам следовало бы обосноваться в городе и жить где-нибудь поблизости от нас. Тут можно купить великолепнейший особняк. Вообще район тут великолепный. Ты бросил адвокатуру? Но ведь что-то нужно же делать. Безделье погубит тебя. Вот что, Грач: ты должен выставить свою кандидатуру в совет графства.

Шелтон ничего не успел ответить, так как в эту минуту они подъехали к театру и с великим трудом пробрались к своим местам в партере. До начала спектакля еще оставалось время, и Шелтон успел оглядеть своих соседей. Рядом с ним оказалась дама, с отменной щедростью выставлявшая напоказ полные, пышущие здоровьем плечи; дальше сидел ее муж – краснощекий, лысый, с обвисшими бурыми усами, а за ним – двое мужчин, которых Шелтон знал по Итону. Один из них был темноволосый, с гладко выбритым обветренным лицом; маленький рот с выпирающей вперед верхней губой и настороженные глаза, прикрытые тяжелыми веками, придавали его лицу решительное и насмешливое выражение. Все в нем, казалось, говорило: «Эге, дружище, я держу тебя за хвост!» – как если бы он всю жизнь только и делал, что охотился на лисиц. Рядом с ним сидел другой, с какими-то раздражающей усмешкой; густые волосы, расчесанные на прямой пробор и приглаженные мокрой щеткой, аккуратно подстриженные усы и восхитительный жилет – все говорило о том, что это денди, презирающий женщин. Со своих школьных товарищей Шелтон перевел взгляд на Хэлидома, который откашлялся и теперь сидел, глядя прямо перед собой, на занавес. И Шелтон вспомнил слова Антонии: «Я не признаю безнравственных людей». Что ж, эти люди были бесспорно высоконравственны: они словно бросали вызов природе, отказываясь принять от нее что-либо, кроме нравственности. В эту минуту занавес взвился.

Постепенно и нехотя Шелтон, человек по природе доверчивый, вынужден был признать, что разыгрываемая на сцене пьеса принадлежит к числу шедевров современной драмы, где автор, создавая свои персонажи, исходит из принципа, что не моральные устои выдуманы людьми, а, наоборот, люди существуют для моральных устоев. И Шелтон стал следить за развитием этой драмы, отмечая, как тщательно соблюдается в ней чередование серьезного с веселым.

Замужняя женщина жаждет избавиться от своего мужа – такова суть пьесы; и вот перед Шелтоном разворачивается ряд искусно построенных сцен, в ходе которых приводится сотня доводов, доказывающих всю неправомерность и безрассудность подобного желания. Большую часть этих доводов изрекает хорошо сохранившийся пожилой джентльмен, призванный, видимо, играть роль некоего поставщика морали.

Шелтон повернулся к Хэлидому и шепнул:

– Этот старый ханжа просто невыносим!..

– Какой старый ханжа? – спросил Хэлидом, удивленно посмотрев на приятеля своими красивыми глазами.

– Да этот старый осел со своими банальностями!

На лице Хэлидома появилось холодное, немного оскорбленное выражение: казалось, ему нанесли личную обиду.

– Ты говоришь о Пэрбрайте? – спросил он. – По-моему, он великолепен.

Получив этот щелчок по носу, Шелтон снова устремил глаза на сцену, ему было совестно сидеть в кресле, за которое заплатил приятель, и проявлять такую невоспитанность! И он принялся следить за развитием действия еще более критически, чем до сих пор. Ему снова пришли на память слова Антонии: «Я не терплю безнравственных людей». Сейчас они словно пролили яркий свет на всю пьесу: да, вот это вещь вполне нравственная!

Наступил кульминационный момент.

Сцена изображала гостиную, освещенную мягким светом электрических ламп; на коврике спала кошка (Шелтон никак не мог понять, настоящая она или нет).

Муж, плотный высоконравственный мужчина во фраке, пил чистое виски. Наконец он поставил стакан и неторопливо чиркнул спичкой, потом еще более неторопливо зажег сигарету с золотым ободком...

Шелтон был достаточно опытным зрителем. Он уселся поудобнее, чувствуя, что предстоит нечто важное, и, когда спичка полетела в камин, даже наклонился вперед.

Муж налил себе еще виски, залпом осушил стакан и направился было к двери, но внезапно обернулся к зрителям, словно желая открыть им тайну некоего знаменательного решения, и пустил в зал кольца дыма. Он вышел из комнаты, потом вернулся и снова наполнил стакан.

Тут вошла бледнолицая и темноокая дама – его жена. Муж пересек сцену и остановился у камина, широко расставив ноги, – Шелтон почему-то был уверен, что он примет именно такую позу. Муж произнес: «Идите сюда и закройте за собой дверь».

Внезапно Шелтон понял, что перед ним один из тех немых поединков, какие происходят между двумя людьми, испытывающими жгучую ненависть друг к другу – ненависть, порожденную физической близостью двух не подходящих друг другу существ. И ему вдруг пришла на память сцена, которую он видел однажды в ресторане. Он вспомнил все до малейших подробностей: мужа и жену, сидевших друг против друга, – их разделяла лишь узкая полоска белой скатерти, а на ней свеча под дешевым абажуром и тонкая зеленая ваза с желтыми цветами. Он вспомнил, какое презрение и гнев чувствовались в их разговоре, хотя они и говорили вполголоса, так что до Шелтона долетали лишь отдельные слова. Он вспомнил холодное отвращение, сквозившее в их взглядах. И самое главное – он вспомнил собственные мысли: впечатление у него было такое, что подобные сцены происходят и будут происходить между ними каждый день. Расплатившись по счету и надевая пальто, он тогда спросил себя: «Чего ради эти люди продолжают жить вместе?» И теперь, прислушиваясь к голосам актеров, обменивавшихся на сцене колкостями, он подумал: «К чему весь этот разговор? Тут словами не поможешь».

Занавес опустился, и Шелтон взглянул на сидевшую рядом даму. Она пожала плечами в ответ на замечание мужа, чье лицо, отмеченное печатью высокой нравственности, выражало возмущение.

– Терпеть не могу безнравственных женщин, – говорил он, но, заметив взгляд Шелтона, вдруг резко повернулся в кресле и насмешливо фыркнул.

Лицо однокурсника Шелтона по-прежнему выражало спокойную иронию; на нем была маска легкого любопытства, смешанного с презрением, словно он присутствовал при чем-то крайне неприятном. Его сосед с рачьиими глазами зевал.

– Неужели тебе нравится эта пьеса? – спросил Шелтон Хэлидома.

– Не нравится; в последней сцене, по-моему, уж слишком разгорелись страсти.

Шелтон так и подскочил: он хотел сказать, что в последней сцене не чувствовалось никаких страстей.

– Держу пари, что я правильно отгадаю, как все пойдет дальше, – сказал он. – Этот старый осел – как его там зовут? – подкрепитя котлетами и шампанским, перед тем как прочесть лекцию заблудшей жене. Вот увидишь, он докажет ей, как безнравственны ее чувства, затем

возьмет за руку и изречет: «Скажите, дорогая, что в этом несчастном мире важнее доброго мнения общества?» При этом он сделает вид, будто смеется над собственными словами, но совершенно ясно, что этот ханжа именно так и думает. Потом он обрисует положение, в которое она попала, причем будет изображать все совсем не так, как это было в действительности, а как, по его мнению, должно было бы быть, и докажет, что для нее единственный путь к спасению – поцеловать своего мужа. – И Шелтон усмехнулся. – Во всяком случае, держу пари, что он возьмет ее за руку и изречет: «Скажите, дорогая!...»

Хэлидом неодобрительно посмотрел на него и повторил:

– По-моему, Пэрбрайт великолепен!

А дальше под громкие аплодисменты публики все произошло именно так, как предсказал Шелтон.

Глава V. Примерный гражданин

Прежде чем покинуть театр, приятели постояли немного в вестибюле, надевая пальто; поток белоснежных манишек несколько задерживался у дверей, образуя водовороты, словно каждому на мгновение становилось страшно выйти из этого рассадника фальшивых чувств и морали на мокрые, пронизанные ветром улицы, где под суровым бесстрастным небом расцветают и чахнут человеческие цветы, прорастают и гибнут человеческие сорняки. Свет фонарей падал на множество спесивых лиц, сверкал на бесчисленных драгоценностях и шелке цилиндров, струился по мокрым от дождя плитам тротуара, озаряя неровными бликами лошадей, физиономии кучеров и фигуры случайно здесь оказавшихся жалких созданий – тех, что обычно прячутся подальше в тень.

– Пойдем пешком, – предложил Хэлидом.

– Ты замечал, что в современных пьесах непременно выводится «хор сплетников», который выступает в роли чуть ли не Бога? – спросил вместо ответа Шелтон.

– Ты чертовски привередлив, – сказал, нарочито покашливая, Хэлидом.

– Я не склонен смешивать две разные вещи, – продолжал Шелтон. – Конец этой пьесы вызывает тошноту.

– Почему? – удивился Хэлидом. – Какой же тут мог быть другой конец? Не хочешь же ты, чтобы после пьесы оставался дурной привкус во рту?

– Как раз эта пьеса и оставляет такой привкус.

Хэлидом, который шел широким шагом, ибо и в ходьбе, как и во всем остальном, считал необходимым быть всегда впереди, еще больше ускорил шаг.

– Что ты хочешь этим сказать? – вежливо осведомился он. – По-твоему, было бы лучше, если б эта женщина совершила неблагоприятный поступок?

– Я имею в виду мужчину.

– Какого мужчину?

– Мужа.

– А что в нем особенного? Правда, он немного невоспитан.

– Не понимаю мужчину, который требует, чтобы женщина жила с ним, когда она этого не хочет.

В тоне Шелтона прозвучал вызов, и это скорее, чем высказанная им мысль, заставило его приятеля с достоинством ответить:

– По этому поводу говорится много всякого вздора. А на самом деле женщинам все равно, просто они наслушались всякой чепухи.

– Ну, с тем же успехом можно сказать голодному: «На самом деле ты ничего не хочешь, просто наслушался всякой чепухи!» Таким способом ничего не докажешь, милый мой.

Ничто не могло больнее уколоть Хэлидома, чем это обвинение в нелогичности, ибо он гордился своей железной логикой.

– Глупости, – сказал он.

– Ничего подобного, старина. В данном случае перед нами женщина, которая жаждет свободы, а ты вдруг утверждаешь, что она ее вовсе не жаждет.

– Такие женщины не заслуживают внимания, они совершенно невозможны, поэтому не будем о них говорить.

Взвесив в уме слова приятеля, Шелтон вдруг улыбнулся: он вспомнил, как один его знакомый, когда от него ушла жена, распустил слух, что она сумасшедшая, – теперь это показалось Шелтону крайне забавным. Но тут же у него мелькнула мысль: «Да ведь он, бедняга, вынужден был назвать ее сумасшедшей! Не сделать этого – значило бы признать, что он внушает отвращение, а такого признания от человека трудно ожидать, как бы оно ни было справедливо». Взглянув на Хэлидома, Шелтон понял, что при подобных обстоятельствах и этот тоже может объявить свою жену сумасшедшей.

– Но послушай, – заметил он, – мужчина обязан быть джентльменом даже по отношению к собственной жене.

– В том случае, если она ведет себя как леди.

– Ах вот как? Я не вижу, какая тут связь.

Хэлидом на минуту перестал возиться с ключом от входной двери; в его красивых глазах сверкнула недобрая усмешка.

– Знаешь, дорогой мой, – сказал он, – ты слишком сентиментален.

Слово «сентиментален» уязвило Шелтона.

– Либо человек – джентльмен, либо не джентльмен, и это вовсе не зависит от поведения других людей.

Хэлидом повернул ключ в замке и распахнул дверь в переднюю; свет камина падал на столик с графинами и огромные кресла, придвинутые к огню.

– Ну нет, Грач, – сказал Хэлидом, вновь обретая всю свою благовоспитанность и закладывая руки за фалды фрака, – разговоры разговорами, но подожди, пока ты сам женишься. Мужчина должен быть в своем доме хозяином и должен дать это почувствовать.

Шелтону пришла в голову забавная мысль.

– Послушай, Хэл, – сказал он, – а как бы ты поступил, если бы твоей жене надоело жить с тобой?

Эта мысль, видимо, показалась Хэлидому нелепой и даже не заслуживающей внимания.

– Я, конечно, не думаю, что это может с тобой случиться, но попробуй представить себя в таком положении.

Хэлидом вынул зубочистку, резким движением ковырнул ею в зубах и потом ответил:

– Я бы не потерпел никаких глупостей! Увез бы ее путешествовать, развлек: она бы живо образумилась.

– Но если бы она и в самом деле чувствовала к тебе отвращение?

Хэлидом прочистил горло. Такая мысль была явно неприличной: как мог кто-либо чувствовать к нему отвращение? Однако он не потерял самообладания и, глядя на Шелтона как на дерзкого, но забавного ребенка, ответил:

– В таких случаях приходится очень многое принимать во внимание.

– Мне кажется, – сказал Шелтон, – что тут все дело просто в самолюбии. Как можно требовать от женщины того, чего она не хочет?

– Мужчина не должен страдать из-за женских истерик, – наставительным тоном произнес Хэлидом, разглядывая свой стакан. – Нельзя забывать о существовании общества, детей, дома, всяких денежных обстоятельств и тысячи других вещей. Все это хорошо на словах... Тебе нравится это виски?

– Вот вам главное свойство примерного гражданина, – сказал Шелтон, – инстинкт самосохранения!

– Нет, здравый смысл, – возразил Хэлидом. – Я так считаю: прежде всего – справедливость, а уж потом всякие чувства. – Он выпил виски и, затянувшись, пустил дым прямо в лицо Шелтону. – К тому же для многих брак связан с религиозными убеждениями.

– Мне всегда казалось странным, – заметил Шелтон, – что люди, которые называют себя христианами, утверждают, будто брак дает им право поступать по принципу «око за око, зуб за зуб». Что побуждает людей отстаивать свои права, как не уязвленное самолюбие и желание оградить себя от всяких неудобств?.. Пусть люди выставляют какие угодно причины, но мы-то с тобой знаем, что это сплошное притворство!

– Я так не считаю, – заявил Хэлидом, становившийся тем высокомернее, чем больше горячился Шелтон. – Отстаивая свои права, ты поступаешь так не только ради себя, но и ради всего общества. Если ты стоишь за отмену брака, почему бы не сказать об этом прямо?

– Да нет же! – сказал Шелтон. – С чего ты взял? Ведь я... – И он запнулся: слова «сам собираюсь жениться» чуть не сорвались у него с языка, но ему вдруг показалось, что это был бы далеко не самый веский и возвышенный довод. – Я могу лишь сказать, – продолжал он более спокойным тоном, – что нельзя насильно заставлять лошадь пить. Великодушные – самый верный путь к сердцам тех людей, в которых есть хоть капля порядочности, а что до остальных – так нужно прежде всего воспрепятствовать их размножению.

Хэлидом усмехнулся.

– Станный ты человек, – сказал он.

Шелтон бросил папиросу в огонь.

– Я тебе вот что скажу. – По ночам его пронизательность обострялась. – Все наши разговоры о том, что мы руководствуемся в своих поступках интересами общества, – сплошное ханжество. Нам важно самим удержаться на поверхности.

Но Хэлидома трудно было вывести из равновесия.

– Прекрасно, – заметил он, – называй это, как тебе угодно, но мне не ясно, почему именно я должен идти на дно. Ведь от этого никому не станет легче.

– Следовательно, ты согласен, – сказал Шелтон, – что в основе всей нашей морали лежит присущий каждому инстинкт самосохранения?

Хэлидом потянулся всем своим великолепным телом и зевнул.

– Не знаю, право, так ли это, – начал он, – но...

И вдруг Шелтону показался смешным и упрямо-самодовольный взгляд красивых глаз Хэлидома, и эта его поза, исполненная достоинства, и его здоровое тело, и высокомерно-узкий лоб, и налет культуры, который, несмотря на врожденную грубость, придает ему видимость человека вполне гуманного.

– Да ну тебя, Хэл! – воскликнул он, вскакивая со стула. – Вот ведь старый лицемер! Я пошел домой.

– Нет, постой, – сказал Хэлидом, взяв Шелтона за лацкан; на лице его появилась легкая тень сомнения. – Ты не прав...

– Вполне возможно. Доброй ночи, старина!

Шелтон шел домой, вдыхая полной грудью весенний воздух. Была суббота, и ему повстречалось по дороге немало молчаливых парочек. Повсюду, где только был хоть кусочек тени, он различал очертания двух фигур, которые стояли или сидели, тесно прижавшись друг к другу, и в их присутствии, казалось, ни одно слово не смело нарушить тишину. Ветер шелестел в распускающейся листве; звезды то вспыхивали, как бриллианты, то снова гасли. В кварталах победнее было много пьяных, но это отнюдь не смущало Шелтона. Все, что происходило на этих мрачных улицах, казалось ему лучше, чем только что виденная пьеса, чем холеные

мужчины, невозмутимые женщины и правоверные взгляды, – лучше, чем нерушимо прочное благосостояние его приятеля.

«Итак, значит, – размышлял он, – со всех точек зрения – и с социальной, и с религиозной, и с житейской – позволительно навязывать свое общество тем, кому оно противно. Да, в браке есть несомненные преимущества: приятно чувствовать себя уважаемым человеком, хоть ты и поступаешь так, что, будь это не жена, а кто-нибудь другой, тебя бы стали презирать за такие поступки. Если б старина Хэлидом дал мне понять, что я ему надоел, а я продолжал бы у него бывать, он счел бы меня скотиной, но если бы его жена сказала ему, что он стал ей противен, а он продолжал бы навязывать ей свое общество, это отнюдь не мешало бы ему считать себя безупречным джентльменом. И у него еще хватает наглости ссылаться на религию... на религию, которая учит: «Как хочешь, чтобы люди поступали с тобой, так и ты поступай с ними».

Но в отношении Хэлидома Шелтон был не прав: он забыл, что тот не в силах представить себе, как это женщина может питать к нему отвращение.

Шелтон добрался до своего дома и, прежде чем войти, постоял с минуту, наслаждаясь ярким светом фонарей, легким дуновением ветерка, замирающим шумом улицы.

«Неужели, женившись, я стану такой же скотиной, как этот тип в пьесе? – подумал он. – Впрочем, что ж тут удивительного. Каждый хочет получить за свои денежки все, что ему причитается, – свой фунт мяса! И зачем только мы употребляем эти прекрасные слова: «общество», «религия», «мораль»? Сплошное ханжество!»

Он вошел к себе, распахнул окно и долго стоял, засунув руки в карманы, опустив голову и задумчиво хмурясь; силуэт его отчетливо вырисовывался в светлом квадрате окна над темной площадью. Полупьяный старик оборванец, полисмен и какой-то субъект в соломенной шляпе остановились внизу, переговариваясь о чем-то.

– Ну да, – говорил оборванец, – я мразь и бездельник, но вот что я вам скажу: ежели все мы были бы на один манер, что стало бы с миром?

И они пошли дальше, а перед взором Шелтона возникло невозмутимо-спокойное лицо Антонии, лицо Хэлидома – олицетворение благопристойности и чувства собственного достоинства, голова человека с рачьими глазами и прилизанными волосами, разделенными посредине ровной ниточкой пробора. Казалось, некий луч света упал на них, осветив их существование, как лампа с зеленым абажуром освещала страницы Мэтью Арнольда, и перед Шелтоном во всей своей безмятежности предстал этот элизиум, где люди не ведают страстей и не впадают в крайности, – мир деспотичный, самодовольный, властолюбивый и такой же приглаженный, как пейзаж в Средней Англии. Здоровые, богатые, мудрые! У них одно стремление – к совершенствованию, к самосохранению: ведь выживают только наиболее приспособившиеся! «Вот они, примерные граждане, – подумал Шелтон. – Да, если б все мы были на один манер, то что стало бы с миром!»

Глава VI. Брачный контракт

«Дорогой Ричард, – писал Шелтону на другой день его дядя, – я был бы рад видеть тебя завтра, в три часа дня, чтобы побеседовать о твоём брачном контракте...»

И вот в назначенный час Шелтон направился в Линкольнс-инн-филдс, где на каменной стене у входа жирные черные буквы гласили: «Парамор и Херринг (адвокаты)». Волнуясь, поднялся он по массивным ступеням и следом за невысоким рыжеволосым юнцом прошел в заднюю комнату на втором этаже. Здесь за столом сидел и писал джентльмен с гладко выбритым лицом, напоминавшим мопса; стол был поставлен как раз посередине, словно затем, чтобы ему удобнее было держать под наблюдением свой маленький мирок.

– А, мистер Ричард! – сказал он. – Рад вас видеть, сэр. Присядьте. Ваш дядюшка сейчас освободится. – При упоминании о хозяине в тоне его послышалась добрая ирония, появляю-

щаяся со временем у старых и верных слуг. – Все хочет сам делать, – добавил клерк, хитро сощуриив честные зеленоватые глазки, – а ведь не мальчик.

При взгляде на клерка своего дядюшки Шелтона всякий раз поражало всевозрастающее довольство и преуспеяние, которыми так и дышали его черты. На лице этого старого друга их семьи не было заметно и следа изнеможения, появляющегося у большинства людей после пятидесяти лет, – наоборот, лицо его, словно из солидарности со всей нацией, с течением времени все более расплывалось, становясь чуть благодущнее, чуть жирнее, чуть грубее. Сквозь эту внешнюю оболочку все отчетливее проступали презрительно-терпимое отношение к людям, которые ничего не добились в жизни, и глубокая убежденность в собственной непогрешимости.

– Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете, сэр? – продолжал он. – Для вас особенно важно быть в добром здоровье именно сейчас, когда вы собираетесь... – И он невольно подмигнул, обдумывая, как бы поделикатнее выразить свою мысль: – ...обзавестись семейством. Мы узнали об этом из газет. Жена говорит мне как-то утром за завтраком: «Послушай, Боб! Тут какой-то мистер Ричард Парамор Шелтон собирается жениться. Это не родственник ли твоего мистера Шелтона?» А я говорю: «Как же, как же, моя дорогая, он самый».

Оказывается, старый друг их семьи отнюдь не проводит всю жизнь, сидя за письменным столом посреди комнаты, а где-то (тут перед взором Шелтона возникли ряды маленьких серых домиков) живет совсем иной жизнью, и там кто-то зовет его «Боб» – это открытие даже взволновало Шелтона. Боб! Вот это новость! Боб!.. Ну конечно, только так и могли его звать.

Зазвенел колокольчик.

– Это ваш дядюшка. – И снова в голосе старшего клерка прозвучала ирония. – Будьте здоровы, сэр.

И, словно выключив разговор, как выключают свет, он принялся писать, а рыжеволосый юнец провел Шелтона в огромную комнату окнами на улицу, где его ждал дядя.

Эдмунду Парамору было семьдесят лет. Среднего роста, с бронзовым, гладко выбритым лицом, он держался очень прямо; его седые шелковистые волосы были зачесаны набок и взбиты в виде кока над красивым высоким лбом. Он стоял спиной к камину; в его манере держаться угадывались подвижность и легкость, свойственные людям, которые до старости не полнеют. В глазах его порою вспыхивал юношеский задор, хоть и видно было, что он немало пережил, а уголки рта неожиданно приподнимала улыбка. Комната была под стать хозяину – просторная, отнюдь не казенная и почти без мебели; вдоль стен не стояли несгораемые сейфы, на столе не высились груды бумаг; в единственном шкафу хранился полный комплект судебных отчетов, а на своде законов, в стакане с водой, красовалась одна-единственная пунцовая роза. Казалось, что владелец этой комнаты – человек рассудительно-великодушный, не мелочный, умеющий вникать в самую суть вещей, человек, перед улыбкой которого не могли выстоять мелкое шарлатанство и обман.

– А, Дик! Как здоровье матушки? – спросил он.

Шелтон ответил, что она вполне здорова.

– Скажи ей, что я все же решил продать ее восточные акции и вложить деньги в медь. Можешь передать, что это дело солидное.

Шелтон поморщился.

– Мама считает, что на свете нет несолидных дел, – сказал он.

Дядя устремил на него пытливый, пронизывающий взгляд своих страдальческих глаз, и легкая улыбка искривила его губы.

– Она неподражаема! – произнес он.

– Да, – повторил Шелтон, – она неподражаема.

Впрочем, перепродажа акций вовсе не интересовала его, дядя решал подобные дела так быстро и разумно, что Шелтону и в голову не пришло бы усомниться в его суждениях.

– Ну-с, займемся твоим контрактом.

Мистер Парамор трижды позвонил в колокольчик и в ожидании принялся ходить взад и вперед по кабинету.

– Принесите мне проект брачного контракта мистера Ричарда, – сказал он вошедшему рослому клерку, и тот через минуту вернулся с требуемым документом.

– Итак, Дик, – начал мистер Парамор, – насколько я понимаю, за невестой не значится никакого приданого. Почему?

– Я отказался от него, – ответил Шелтон, невольно смутившись.

Губы мистера Парамора дрогнули в легкой усмешке; он придвинул к себе бумагу, взял синий карандаш и, сжав руку Шелтона повыше локтя, принялся читать контракт пункт за пунктом. Шелтон, едва успевавший следить за быстрыми объяснениями старика, с облегчением вздохнул, когда тот внезапно остановился.

– Если ты умрешь и она снова выйдет замуж, – сказал мистер Парамор, – она лишается права пользоваться доходом с твоего капитала, понятно?

– Вот как? – сказал Шелтон. – Одну минуту, дядя Тед!

Мистер Парамор умолк и стал ждать, покусывая карандаш; на лице его промелькнула улыбка, которую он тут же тактично подавил. Теперь уже Шелтон принялся ходить по комнате.

«Если она снова выйдет замуж», – повторил он про себя.

Мистер Парамор, страстный рыболов, следил за племянником, словно тот был рыбой, которую он только что вытащил на берег.

– Это обычное условие, – заметил он.

Шелтон сделал еще один круг по комнате.

«Она лишается права... – думал он. – Да, конечно».

Это единственный способ удержать при себе жену даже после своей смерти. Да, конечно!

Мистер Парамор не сводил проницательных глаз с лица племянника. И взгляд его, казалось, говорил: «Ну, дурачок, в чем же дело?»

Да, конечно! Почему она должна пользоваться его деньгами, вторично выйдя замуж? Она лишится их. Какая утешительная мысль! Шелтон вернулся к столу и еще раз внимательно перечел соответствующий пункт контракта: ему хотелось подойти к этому вопросу чисто деловому и скрыть то, что в действительности занимало его ум.

– Если я умру и она снова выйдет замуж, – повторил он вслух, – она лишается права пользоваться доходом с моего капитала.

Может ли существовать более мудрое законоположение для человека, страстно влюбленного?

Дядюшка наконец отвел от него взгляд: чувство сострадания побудило его отвернуться, чтобы не видеть последних судорог пойманной рыбы.

– Я не хочу привязывать ее к себе, – внезапно заявил Шелтон.

Легкая усмешка приподняла уголки губ мистера Парамора.

– Ты хочешь вычеркнуть этот пункт? – спросил он.

Кровь бросилась в лицо Шелтону: он почувствовал, что дядя уличил его в излишней сентиментальности.

– Д-да, – с запинкой произнес он.

– В самом деле?

– Конечно!

Ответ прозвучал несколько угрюмо.

Карандаш дядюшки опустился на обреченный параграф, и мистер Парамор вновь принялся за чтение проекта, но Шелтон уже не мог следить за содержанием: его слишком занимали мысли о том, что именно так позабавило мистера Парамора, и чтобы понять, в чем дело, он не отрываясь смотрел на старика. Грубоватые, но приятные черты лица; быстрые, но не суетливые

движения; волосы не прямые и не выющиеся, не короткие и не длинные; печальные глаза и улыбающийся рот; костюм не поношенный и не щеголеватый; ловкие красивые руки, а главное – размеренное скольжение по бумаге синего карандаша – все создавало впечатление полной гармонии между головой и сердцем, чувством и разумом, теорией и жизненной практикой.

– «...на время замужества», – прочел мистер Парамор и снова остановился. – Ты, конечно, понимаешь, что, если вы не уживетесь и разъедетесь, она по-прежнему будет пользоваться твоими деньгами.

Если они не уживутся!.. Шелтон улыбнулся. Но мистер Парамор не улыбался, и Шелтон снова почувствовал, что столкнулся с чем-то внешне мягким, но непреклонным. И он с раздражением заметил:

– Если мы не будем жить вместе, тем больше оснований сохранить за ней это право.

На сей раз дядюшка улыбнулся. Но Шелтон не мог сердиться за эту ироническую усмешку, которая так же внезапно исчезала, как и появлялась: она не могла вызвать раздражение, ибо не относилась непосредственно к собеседнику и за ней скрывалось такое глубокое знание человеческой природы!

– Если... гм... Ну а в другом случае, – сказал мистер Парамор, – брачный контракт теряет силу – во всяком случае, для нее. Понимаешь, дружок, мы обязаны все предусмотреть.

Шелтон еще отчетливо помнил содержание пьесы и свой разговор с Хэлидомом. Сам он вполне способен был допустить – теоретически, – что жена может изменить ему.

– Хорошо, дядя Тед, – сказал он.

На мгновение у него мелькнула безумная мысль: предусмотреть в брачном контракте возможность развода. Ведь сделать женщину независимой, предоставить ей свободу полюбить другого, не терзаясь мыслью о денежных затруднениях, – разве это не долг всякого благородного мужчины? Для этого нужно было лишь вычеркнуть слова «на время замужества».

Шелтон почти с тревогой посмотрел на дядюшку. На этом мудром челе под высоким зачесом волос нельзя было прочесть и тени мелочности, но и одобрения на нем не было. Лицо дядюшки, казалось, говорило: «Донкихотство, конечно, имеет свои достоинства, но...» Да и сама эта необъятная комната с высокими окнами обескураживала Шелтона: казалось, здесь совершается лишь то, что диктует здравый смысл. Должно быть, бесконечное множество мужчин, хорошо воспитанных и придерживающихся самых разумных правил, покупали себе здесь жен. Воздух был пропитан мудростью и запахом юридических книг в кожаных переплетках. Здесь безраздельно царил прецедент¹⁰. Шелтон склонил перед ним свое копьё и снова присел к столу, чтобы закончить сделку с покупкой жены.

– Не понимаю, почему ты так спешишь с этим? Ведь ваша свадьба будет не раньше осени, – сказал мистер Парамор, закончив наконец чтение контракта. Он положил синий карандаш рядом с чернильницей, вынул красную розу из стакана с водой и понюхал ее. – Хочешь пройти со мной до Пэлл-Мэлл? Я решил сегодня устроить себе отдых, но для стадиона сейчас, пожалуй, холодновато.

Они вышли на Стрэнд.

– Вы не видели новой пьесы Борогрова? – спросил Шелтон, когда они проходили мимо театра, где он был с Хэлидомом.

– Я никогда не смотрю современных пьес, – ответил мистер Парамор. – Уж слишком они мрачны.

Шелтон взглянул на него: дядя шел, немного сдвинув цилиндр на затылок, держа зонтик на плече; его печальный взгляд был устремлен куда-то вдаль.

---

¹⁰ *Прецедент* – случай или поступок, служащий оправданием или примером для последующих случаев подобного рода (в частности, решение суда, ставшее образцом при решении подобных дел). В Англии право и судебная практика в значительной мере опираются на прецедент.

– Психология вас не интересует, дядя Тед?

– Психология? Это когда выражают словами то, что нельзя ими выразить?

– Французам это удается, – возразил Шелтон. – И русским тоже. Почему бы и нам не попробовать?

Мистер Парамор остановился, намереваясь заглянуть в рыбный магазин.

– То, что годится для французов и русских, Дик, – сказал он, – не подходит для нас. Мы, когда хотим быть настоящими, становимся только более фальшивыми... Взгляни! Правда, неплохо было бы поймать такого? Давай пошлем его твоей матушке.

Он зашел в магазин и купил лосося.

– А теперь скажи мне на милость, – продолжал он, когда они пошли дальше, – разве это пристойно, чтобы мужчины и женщины извивались на сцене, словно угри? Разве жизнь и без того не достаточно сложна?

Внезапно у Шелтона мелькнула мысль, что, несмотря на всю свою улыбочивость, лицо дядюшки отмечено печатью глубокого страдания. Возможно, впрочем, что это ему только почудилось при более ярком освещении, когда они вышли на простор Трафальгарской площади.

– Вот уж не знаю, – ответил Шелтон. – Я, пожалуй, предпочитаю правду.

– Плохой конец и все прочее? – спросил мистер Парамор, остановившись перед одним из львов, сторожащих памятник Нельсону, и взял Шелтона за пуговицу. – Правда – величайшее зло!

Он стоял очень прямо, глядя на племянника своими печальными глазами. Шелтон подумал, что его оптимизм – это трогательная смесь нежности и нетерпимости, личной правдивости и понятий, заимствованных у других. Подобно возвышавшемуся над ним льву, мистер Парамор словно говорил жизни: «Как ни старайся, а я не буду смотреть тебе в лицо».

– Да, дружок, – заметил он, протягивая шестипенсовую монету метельщику, – чувства – это змеи, которых надо держать в банках с притертыми пробками. Ты не зайдешь со мной в клуб? В таком случае до свидания, мой милый. Поклонись матушке, когда увидишь ее.

И он зашагал через площадь, а Шелтон пошел дальше, в свой собственный клуб, и ощущение у него было такое, словно он распростился не только с дядюшкой, но и со всей нацией, к которой они оба принадлежали по своему рождению и воспитанию.

Глава VII. В клубе

Шелтон зашел в библиотеку клуба и взял «Книгу пэров» Бэрка. Когда его дядюшка узнал о помолвке, его первые слова были: «Деннант? Это те Деннанты, что живут в Холм-Оксе? Его жена – урожденная Пенгвин».

Никому из знакомых Парамора и в голову не приходило считать его снобом, но тогда в тоне его ясно прозвучало: «Вот это хорошо, такая семья нам под стать».

Шелтон принялся искать Балтиморов. Он прочел: «Чарлз Пенгвин, пятый барон Балтимор. Потомство: Алиса, род. в 184? – вышла замуж в 186? – за Алджернона Деннанта, эсквайра, Холм-Окс, Кросс-Итон, Оксфордшир». Он отложил «Книгу пэров» и взял «Календарь дворян-землевладельцев». Там значилось: «Деннант, Алджернон Кафф, старший сын покойного Алджернона Каффа Деннанта, эсквайра, мирового судьи, и Айрин, 2-й дочери высокород. Филиппа и леди Лилиан Марч Мэллоу. Образование: Итон и колледж Крайстчерч, Оксфорд; мировой судья графства Оксфордшир. Проживает: Холм-Окс...» и т. д. и т. д. Отложив «Календарь», Шелтон взял томик сказок «Тысяча и одна ночь», который кто-то из членов клуба оставил на прикрепленном к креслу пюпитре, но читать не стал, а принялся рассматривать тех, кто находился в комнате. Почти все места были заняты: тут сидели и читали или дремали джентльмены, каждый из которых счел бы одну из Пенгвинов вполне подходящей для себя партией.

Шелтону впервые бросилась в глаза та величаявая неторопливость, с какою они переворачивали страницы, поигрывали чайными ложечками или похрапывали в своих креслах. А ведь здесь не было и двух человек, похожих друг на друга: один был высокий, темноусый, с розовыми пухлыми щеками и густой шевелюрой; другой – лысый и сутулый; там, дальше, – дородный старый щеголь с седой бородкой клинышком, в необъятном белом жилете; гладко выбритый пожилой фронт с птичьим профилем; высокий, болезненного вида мизантроп и сангвиник, уснувший сном младенца. Спали они или бодрствовали, читали или храпели, были толстыми или тощими, густоволосыми или лысыми – на всех лицах, и красных и бледных, лежала печать полнейшей обособленности. Все они были отлично воспитаны. И так – то разглядывая своих соседей, то вновь углубляясь в чтение томика «Тысяча и одна ночь» – Шелтон провел время до обеда.

Не успел он усесться в ресторане клуба, как в зал вошел его дальний родственник и сел за соседний столик.

– А, Шелтон! Уже вернулись? Мне кто-то говорил, что вы путешествуете вокруг света. – Он вставил в глаз монокль и принялся изучать меню. – Бульон!.. Читали речь Джеллаби? Презанятно он разделался со всей этой компанией. Лучший оратор в парламенте, честное слово.

Шелтон на мгновение перестал жевать спаржу: он, бывало, тоже восхищался Джеллаби, а теперь это казалось ему странным. Красное, гладко выбритое лицо его соседа, оттененное ослепительной белизною крахмальной манишки, расплылось в благодушной улыбке: его жесткие, ничем не примечательные глазки словно уже видели заказываемые блюда.

«Успех! – внезапно пришло в голову Шелтону. – Именно умение преуспевать и восхищает нас в Джеллаби. Все мы хотим добиться успеха».

– Да, – согласился он вслух, – удачливый тип.

– Ах, я и забыл, – сказал его сосед. – Вы ведь из числа его противников?

– Да нет. Откуда вы это взяли?

– Мне почему-то так казалось, – произнес тот, окинув небрежным взглядом комнату; и Шелтону послышалось в его словах: «В вас есть что-то не совсем высоконравственное».

– Что вас так восхищает в Джеллаби? – спросил Шелтон.

– Он знает, чего хочет, – ответил его сосед. – А вот про других этого не скажешь... Рыба никуда не годится, ее и кошка не стала бы есть... Да, умная голова этот Джеллаби! Серьезный малый! Вы когда-нибудь слышали, как он говорит? Преинтересно бывает, когда он разносит оппозицию! А они – ну и жалкие же людишки!

И он расхохотался: то ли мысль о Джеллаби, разносящем крохотную кучку «меньшинства», так развеселила его, то ли пузырьки шампанского в бокале.

– На меньшинство всегда грустно смотреть, – сухо заметил Шелтон.

– То есть как это?

– Я говорю, неприятно смотреть на людей, у которых нет шансов на успех, которые всегда проваливаются, на всех этих фанатиков и им подобных.

Сосед с любопытством взглянул на него.

– М-да, несомненно, – сказал он. – Вы не любите мятный соус? Я всегда считал, что это самое приятное в бараньем жарком.

Огромный зал с бесчисленным множеством столиков, расставленных с таким расчетом, чтобы каждый из обедающих имел возможность покрасоваться на фоне золотых стен, вновь завладел вниманием Шелтона. Сколько раз, бывало, он сидел здесь, старательно раскланиваясь со знакомыми, и был счастлив, если находил свое привычное место незанятым, мог почитать газету с отчетом о последних скачках и, испытывая легкое опьянение от выпитого вина, болтать с кем-нибудь из людей своего круга. Счастлив! Да, счастлив, как лошадь, которая никогда не покидает своего стойла.

– Бедняга этот Бинг: пыхтит, точно паровоз, – сказал сосед Шелтона, указывая на иссохшего, сгорбленного официанта. – У него жуткая астма, даже с улицы слышно, как он хрипит.

По-видимому, его это забавляло.

– А как вы думаете, существует моральная астма? – спросил Шелтон.

Его сосед выронил из глаза монокль.

– Послушайте, заберите это обратно: мясо совсем пережарено, – сказал он лакею. – Принесите мне порцию баранины.

Шелтон отодвинул стул от столика.

– Всего хорошего! – сказал он. – Стилтонский сыр здесь превосходен.

Его сосед поднял брови и снова уставился в тарелку.

Проходя через холл, Шелтон по привычке встал на весы. «Семьдесят килограммов! Опять прибавил», – подумал он и, срезав кончик сигары, направился в курительную и сел читать роман.

Почитав с полчаса, он бросил книгу: уж очень она была пустая, несмотря на захватывающий сюжет и уйму родовитых персонажей, – но автор, видимо, и не хотел ничего сказать своей книгой. Шелтон посмотрел, кто же автор: все весьма похвально отзывались о романе, – и глубоко задумался, пристально глядя на огонь в камине...

Кто-то наклонился над ним, и, подняв глаза, он увидел одного из братьев Антонии, служившего в стрелковом полку; на лице его играла ленивая улыбка, багровый румянец указывал на то, что он навеселе.

– Поздравляю, старина! – воскликнул он. – По какому поводу вы отрастили такую страшную бородину?

Шелтон усмехнулся.

– «Пилули герцогини», – прочитал младший Деннант, взяв книгу. – Это вы читаете? Великолепная книга, правда?

– Совершенно великолепная, – ответил Шелтон.

– Великолепный сюжет! Когда берешь в руки роман, совсем неохота копаться во всей этой – как ее там называют? – психологии, просто хочешь развлечься, не так ли?

– Да, пожалуй, – пробормотал Шелтон.

– Здорово интересно, когда президент крадет у нее бриллианты... А вот и Бенджи! Привет, Бенджи!

– Привет, Билл, дружище!

Этот Бенджи был молодой человек с гладко выбритой физиономией, чье лицо, голос и манеры являли собой редкостную смесь железной выдержки и удивительной мягкости.

Молодой человек – такой веселый, с такой мягкой повадкой и в то же время такой жесткий – подошел не один: с ним был седой джентльмен с острой бородкой и глазами мизантропа, по имени Страуд, и еще другой – ровесник Шелтона, с усами и небольшой плешью величиной с крону. Он круглый год околачивался в клубе – во всяком случае, все вечера, когда не было скачек, ради которых нужно было бы ехать в другой город.

– Знаете, – начал младший Деннант, – этот нахал, – он хлопнул Бенджи по колену, – завтра женится на мисс Кэссерол... знаете, Кэссеролы из Манчестер-Гейт.

– Черт побери! – сказал Шелтон, обрадовавшись, что может наконец произнести нечто понятное всей компании.

– Младший Чемпион будет шафером, и я тоже. Знаете что, старина, – продолжил Деннант, обращаясь к Шелтону, – вам надо бы поехать туда со мной, посмотреть на всю эту кутерьму: у вас вряд ли будет другая такая возможность попрактиковаться. Бенджи пришлет вам приглашение.

– Буду очень рад! – пробормотал Бенджи.

– А где состоится церемония?

– В церкви Святого Брайабаса, в половине третьего. Приходите посмотреть, как обкручивают людей. Я заеду за вами в час. Мы позавтракаем, а потом отправимся. – И Деннант снова похлопал Бенджи по колену.

Шелтон кивнул в знак согласия; его покорило равнодушно-легкомысленный тон, каким эти люди говорили о женитьбе: как о пикантном приключении, – и он украдкой посмотрел на «железного» Бенджи, который за все это время ни на минуту не утратил вкрадчивой мягкости манер и, казалось, куда больше интересовался предстоящими скачками, нежели своим браком. Но Шелтон по собственному опыту знал, что в действительности так не бывает; такое поведение было продиктовано лишь желанием соблюдать «правила хорошего тона» и казаться человеком благовоспитанным: джентльмен не должен выдавать своих чувств. И ему стало жаль Бенджи, особенно когда он заметил, каким взглядом впился в жениха Страуд из-под своих нависших бровей и каким жадным любопытством горят глаза любителя скачек.

– Кто этот малый с парализованной ногой? – спросил любитель скачек. – Он вечно тут торчит.

И Шелтон увидел человека с болезненно-желтым лицом, обращавшего на себя внимание отсутствием пробора и некоторой нервозностью.

– Его фамилия Бэйз, – сказал Страуд. – Полжизни провел с китайцами: должно быть, у него зуб против них! А теперь, с тех пор как у него повреждена нога, он уже больше не может туда ездить.

– С китайцами? Что же он там делал?

– То ли Библиями их снабжал, то ли оружием. Кто его знает! Авантюрист какой-то.

– Во всяком случае, человек не нашего круга, – сказал любитель скачек.

Шелтон взглянул на сдвинутые брови старика Страуда и сразу понял, что такого человека, который может охотиться в любом лесу и имеет уйму свободного времени для игры в бридж и сплетен в клубе, должен раздражать самый вид людей, живущих столь неупорядоченной жизнью. Минуту спустя «малый с парализованной ногой» прошел позади его стула, и Шелтон сразу почувствовал, как ошетинились завсегдатаи клуба. У Бэйза были глаза, какие нередко можно встретить у англичан, – словно горящие угли за стальной решеткой; он производил впечатление человека, который способен совершать поступки, выходящие за рамки «хорошего тона», – человека, который способен быть даже благородным. Он посмотрел прямо в глаза Шелтону: в его непреклонном взгляде было что-то говорившее, как бесконечно он одинок, – в общем, человек, которому совсем не место в таком клубе. Шелтону пришли на память слова одного из друзей его отца, который как-то сказал ему: «Да, Дик, разного рода люди состоят членами этого клуба, и они приходят сюда по разным причинам, а многие приходят потому, что им, беднякам, некуда больше идти». И, переводя взгляд с «паралитика» на Страуда, Шелтон подумал, что, ведь может быть, и старик Страуд такой же бедняга. Кто его знает! Он посмотрел на Бенджи – такого собранного и веселого – и сразу успокоился. Вот счастливчик! Ему больше не надо будет приходить сюда! И мысль, что очень скоро он сам в последний раз проведет здесь вечер, наполнила Шелтона острым ощущением радости, почти граничащим с болью.

– Партию на бильярде, Бенджи, – предложил Билл Деннант.

Страуд и любитель скачек отправились смотреть на игру, и Шелтон вновь остался наедине со своими думами.

«Правила хорошего тона! – подумал он. – Этот малый, должно быть, из железа сделан... Сейчас они еще куда-нибудь поедут отсюда: полночи проиграют в покер или какую-нибудь другую ерунду затеют».

Он подошел к окну. Начался дождь; на опустевших улицах гулял ветер. Кебмены натягивали дождевики. Пробежали две женщины под одним зонтом, и какой-то плохо одетый человек с угрюмым отчаянием прошагал мимо. Пробравшись между креслами, Шелтон вернулся на прежнее место. Перед его мысленным взором промелькнула вереница его друзей по школе

и университету. Все они – да и он тоже – получили одинаковое воспитание, которое не могло привить им ничего, кроме «правил хорошего тона». Разве их знакомили с настоящей жизнью? Стоило лишь призадуматься, и становилось ясно, до чего все они невероятно глупы. Вид у них такой, словно они знают все на свете, а на самом деле они ни в чем не разбираются: ни в законах природы, ни в искусстве, ни в чувствах, ни в тех узах, что связывают людей. Да ведь по «правилам хорошего тона» даже сами слова эти не полагается произносить: все выходящее за пределы узкого круга их представлений уже не может быть «хорошим тоном». У них твердо установившиеся взгляды на жизнь, ибо все они питомцы определенных школ, университетских колледжей, полков. И эти-то люди вершат судьбы государства, диктуют законы, возглавляют науку, армию, церковь! Вот они и создали себе кодекс: не вступать в жизнь слишком молодыми, заложить здоровую основу, которую жизнь и опыт отшлифуют в дальнейшем.

«Успех! – подумал Шелтон и чуть не упал, споткнувшись о лакированные штиблеты, принадлежавшие круглолицему, добродушного вида джентльмену в золотом пенсне. – О да, это называется «преуспеть в жизни»!»

Кто-то подошел к столу, взял ту самую книгу, которая натолкнула Шелтона на все эти мысли, и принялся читать ее с каким-то сосредоточенным удовольствием. Глаза его, устремленные на страницу, только это и выражали. Ничто в ней не удивляло его, ничто не наводило на размышления.

Круглолицый джентльмен в лакированных штиблетах подошел к Шелтону и заговорил о своей недавней поездке на юг Франции. У него имелась про запас парочка пикантных анекдотов, и его лунообразная физиономия, украшенная золотым пенсне, так и сияла. Это был грузный мужчина, знавший такое множество забавных светских сплетен, что просто невозможно было не оценить его болтовню; чувствовалось, что он наслаждается жизнью и ни в чем себе не отказывает.

– Однако всего хорошего! – буркнул он вдруг. – Меня ждут...

И он ушел, оставив Шелтона под приятным впечатлением, что в предстоящем этому человеку свидании есть что-то восхитительно-запретное.

Взяв со стола бокал, Шелтон медленно выпил вино. Он благодумствовал. Он чувствовал свое превосходство над всеми этими людьми – членами одного с ним клуба, и это было ему приятно. Он ясно видел, какой бутафорией была их клубная жизнь, какое убожество это преклонение перед успехом, какая мишура вся эта литература, написанная романистами в лайковых перчатках, эти «правила хорошего тона», эти «законы приличия», эта безупречность нашего воспитания. Приятно было вот так проникнуть в самую суть вещей, приятно чувствовать свое превосходство. И, утонув в мягких глубинах кресла, Шелтон задумчиво выпустил дым и протянул ноги к огню, а огонь в ответ осторожно и благоговейно озарил его своим светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.